

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Курцио Малапарти

РЕПОРТАЖИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

**ЗАПИСКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
О СОБЫТИЯХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

1941—1943

За линией фронта. Мемуары

Курцио Малапарти

**Репортажи с переднего края.
Записки итальянского военного
корреспондента о событиях на
Восточном фронте. 1941–1943**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Малапарти К.

Репортажи с переднего края. Записки итальянского военного корреспондента о событиях на Восточном фронте. 1941–1943 / К. Малапарти — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Мемуары)

Летом 1941 года итальянский писатель и журналист Курцио Малапарти в качестве военного корреспондента освещал события, происходящие на Восточном фронте. Он рассказывал о том, как проводилась подготовка солдат к боям, описывал самые жестокие сражения, представлял бытовую сторону жизни солдата и страдания мирного жителя, в дом которого ворвалась война. Свидетельства автора были настолько честны и непредвзяты, что его обвиняли в симпатиях к коммунистической России. А Малапарти, по его собственному признанию, своими репортажами стремился лишь представить объективную панораму фронтовой жизни, показывая весь ужас и абсурдность войны, что, впрочем, не мешало ему давать личную оценку событиям, происходящим на его глазах.

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

© Малапарти К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Курцио Малапарти
Репортажи с переднего края. Записки
итальянского военного корреспондента о
событиях на Восточном фронте. 1941—1943

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Когда с началом войны Германии против Советского Союза в июне 1941 года в «Коррере делла Сера» начали появляться мои репортажи с фронта на Украине, итальянская публика преисполнилась крайним изумлением и даже, можно сказать, потрясением и негодованием.

Меня подробно цитировали в прессе Британии, Америки, Швейцарии и стран Скандинавии. Мои репортажи воспринимались международным сообществом как единственные объективные документальные свидетельства, которые приходили из Советской России после начала войны. Тем не менее великому множеству людей в Италии казалось, что мои наблюдения и размышления были результатом не честного и смелого желания рассказать правду, а лишь личными симпатиями к коммунистической России, и, как следствие, мое видение событий представлялось им пристрастным и спорным.

Поскольку мои статьи совершенно отличались от той линии, которой придерживалась итальянская пресса, а именно утверждения, будто война против России станет недолгой и «легкой», а также в связи с тем, что они противоречили даже мнению остальных специальных корреспондентов моей собственной газеты, многие мои читатели пришли к заключению, что я оказался полностью пристрастным. Немало было и таких, кто объявил меня «пораженцем» и громко требовал немедленно отозвать меня с русского фронта и подвергнуть аресту. Позже все они были склонны благодарить меня за то, что я смог правильно оценить события, а мои «симпатии» к коммунистической России, в которых меня упрекали, рассматривать лишь как стремление объективно их освещать. Это вынужден был признать даже сам Тольятти в личной беседе со мной во время празднования Пасхи в 1944 году, когда он прибыл ко мне домой и поздравил меня именно с теми репортажами.

Но в те первые дни объективность считалась преступлением. В сентябре 1941 года по указанию Геббельса немецкие военные власти выслали меня из района боевых действий на советском фронте, не обращая внимания на протесты командующего итальянскими экспедиционными войсками в России генерала Джованни Мессе (1883–1968). Несмотря на то что фашистские цензоры, как военные, так и политические, пусть и неохотно, разрешали публиковать мои репортажи, Муссолини сначала пригрозил отправить меня обратно в Липари, а затем на четыре месяца подверг домашнему аресту. Но в январе 1942 года, когда ход событий на фронте подтвердил обоснованность моих суждений и точность прогнозов, он приказал отправить меня обратно на русский фронт. Однако на этот раз, опасаясь репрессий со стороны немцев, я сам попросил послать меня в Финляндию, где Гитлер не имел власти. Мою просьбу уважили, и два года, вплоть до ареста Муссолини, я оставался в Финляндии. Затем, 27 июля 1943 года, я вернулся в Италию, чтобы занять свое место в рядах борцов против немцев, в борьбе, которая, как я считал, начнется скоро и неизбежно.

Часть первая По следам Наполеона

Глава 1 Вороны Галаца

Галац, 18 июня 1941 года

Расположенный между реками Прут и Дунай, посреди нескольких мелких водоемов, Галац пропах рыбой и гниющими камышами. (Добавьте сюда ощущаемый июньскими вечерами слабый запах наносов ила, который пристаёт к листьям деревьев, женским волосам, лошадиным гривам, длинным нарядам скопцов, кучеров-евнухов из знаменитой русской секты, для которой Галац стал последним убежищем и храмом.) От Брэилы до Галаца, от Сулины до низких гор Добруджи¹ располагается обширное пространство сияющей воды. Весенние половодья превратили эту территорию в огромное болото. Здесь, подобно гигантской занавеси, развевающейся под дуновениями ветра, плывет по холмам Валашская равнина. Через неровные интервалы из бесконечных болот робкими островами восходят участки желтой земли. Затем болота постепенно переходят в подобие мелководного бассейна, на территории которого лежат спокойные воды озера Братеш², вечно укрытые прозрачной бледно-голубой дымкой.

Галац расположен на краю этого бассейна, на вершине треугольника, образованного реками Дунай и Прут, которые сливаются в нескольких километрах ниже по течению от города. Далеко у горизонта создают фон к этому изменчивому пейзажу с его низкими домиками, болотами и дымкой горы Добруджи. Они отражают те же зыбкие тени синего и зеленого цвета, создают ту же обстановку романтики и утонченной невинности. Зачастую они исчезают за горизонтом, оставляя за собой в мерцающем свете чувство неясной печали, ощущение, которое присуще по большей части женщинам.

Между моей гостиницей и Советской Россией находится лишь река Прут с ее неторопливыми желтыми водами. Здесь, неподалеку от устья, она расширяется и образует обширную мутную котловину озера Братеш, гладкая поверхность которого здесь и там изрезана зарослями камыша, растущего часто и плотно на илистом берегу. В эти дни берег Прута кажется необычно пустынным. По поверхности реки не прокладывает себе путь ни буксир, ни грузовое судно, ни даже ревущий моторный катер. Можно увидеть лишь, как одинокие лодки румынских рыбаков снуют туда и обратно посреди медленных, покрытых тиной вод у самой кромки берега. Но горе тому, кто осмелится оказаться поближе к середине реки: русские сразу же откроют по нему огонь. С наступлением темноты дозоры русских начинают стрелять в ответ на каждое шевеление листьев, на каждую хрустнувшую ветку. Даже слабых всплесков воды, которые она время от времени издает, ударяясь о берег, достаточно для того, чтобы привести их в состояние тревоги.

Из окна моей комнаты можно невооруженным взглядом разглядеть дома на русском берегу, склады пиломатериалов, дым нескольких буксиров, стоящих на якоре в заливе реки. На дороге, что проходит вдоль реки, можно различить в бинокль группы людей, скорее всего солдат, колонны техники, кавалерийские разъезды. По ночам советский берег кажется полностью погруженным во мрак. Создается впечатление, что оттуда, с того берега, приходит ночь,

¹ Низкие горы Мэун, высоты до 467 м. (Здесь и далее примеч. ред.)

² У северо-восточных окраин Галаца.

там она растет и крепнет, подобно черной стене, стоящей напротив румынского берега с его мерцающими огоньками. На рассвете советский берег постепенно открывает свои закрытые на ночь глаза и смотрит на реку с тусклым, необычно печальным и беспокойным выражением.

Ватаги ребятишек гоняют друг друга вдоль широких аллей общественных садов. Группы людей наклоняются над парапетом Бельведера, который резко возвышается над голой красноватой гладью обширных болот, изрезанных железнодорожными насыпями. Прикрывая глаза руками, они наблюдают за русским берегом.

Там, на дальней стороне берега реки Прут, из домов городка Рени клубится вверх голубоватый дым, который лениво растворяется в пыльном воздухе. (Еще два дня, а может, один день, а может, всего несколько часов.) Я поймал себя на том, что смотрю на часы городской башни, подъезжая на машине к мосту, соединяющему Галац с советским городком Рени.

Сильный запах, резкий и жирный, поднимается в мою сторону от озера Братеш. Это злобное исходит от трупов животных, погребенных под слоем ила. Огромные синие и зеленые мухи с золотистыми крылышками с гулким жужжанием постоянно снуют здесь и там. Группа румынских саперов закладывает заряд взрывчатки, готовя мост к взрыву. Солдаты, смеясь, о чем-то переговариваются между собой. Мутные воды озера Братеш отражают желтоватый свет, который, постепенно угасая, освещает местность, апатичную, меняющуюся, подверженную тлену. Неминуемая война воспринимается будто буря, которая готова вот-вот разразиться, независимо от воли людей, почти как явление природы. (Здесь Европа больше не внемлет голосу рассудка, не знает законов морали. Она стала будто бы ненастоящей, превратилась в континент гниющей плоти.) На дальней стороне моста, у границы с СССР, высится советская триумфальная арка, грубое сооружение, увенчанное ритуальным орнаментом в виде серпа и молота. Мне нужно всего лишь перейти через мост, пройти несколько сот метров, чтобы покинуть эту и перейти границу с другой Европой. Одну Европу от другой отделяет всего один шаг, пусть и слишком длинный шаг, шаг к смерти.

На самом деле весь этот пейзаж создает впечатление ненадежности и недолговечности. Случившееся в ноябре землетрясение привело к тому, что многое в городе превратилось в груды развалин и мусора, и теперь вид этого места наводит на мысли о недолговечности мира и хрупкости цивилизации. Множество домов было разрушено, почти повсюду видны глубокие шрамы от происшедшего. Часть домов осталась без крыш, у других не хватает стен. Некоторые здания потеряли балконы, а прочие – фасад целиком. Встречаются дома, изуродованные широкими трещинами, сквозь которые просвечивает буржуазный интерьер – полы, покрытые турецкими коврами, венские кровати, безвкусные олеографии, украшающие стены каждого дома на востоке. На одной из улиц у Брашиовени обрушились фасады всех зданий; здесь можно видеть, как люди ходят за тканевыми занавесками или перегородками из бумаги, будто на подмостках сцены перед шумной равнодушной публикой. Все это похоже на сцену из картин Пискатора³. Балки, которые поддерживают фасады или стены зданий, образуют что-то вроде скошенной арки, которая проходит от одного до другого края мостовой, и под этой аркой громко шумят люди всевозможных наций и языков. Они толкаются, догоняют друг друга, быстро собираются в группы, которые так же быстро распадаются, в одну бурлящую массу. Во многих местах, например на улице Полковника Бойле, на дорожках, что ведут к озеру, до сих пор можно наблюдать нагромождение камней от разрушенных домов. И посреди этих развалин, под аркой из балок, сильно потрескавшихся, шатающихся стен, перед сценой из тех домов с прорехами в клубах желтоватой пыли собрались толпы греков, армян, цыган, турок и евреев. Здесь все погрузилось в суматоху галдящих голосов, воплей, взрывов смеха, визга, песен, реву-

³ Пискатор Николас Иоаннис (Клас Янс Висхер; 1586–1652) – голландский издатель и гравер.

щих из граммофонов. И над всем этим витает запах конской мочи и аромат роз, запах Леванта, аромат Черного моря.

По обеим сторонам мостовой улиц расположились сотни и сотни кафе, галантерейных и парфюмерных лавок, парикмахерских, стекольных мастерских, кондитерских и кабинетов дантистов. Парикмахеры-греки с лицами оливкового цвета, с огромными черными усами сверкают бриллиантином. Дамские мастера с пышными черными волосами, завитыми с помощью утюга и уложенными в стиле барокко. Турки-кондитеры, с рук которых капает мед и масло; их руки до локтей пропитались тертым миндалем и фисташками. Парфюмеры, сапожники, фотографы, портные, дантисты и хозяева табачных лавок – все они приветствуют вас певучими голосами, торжественными жестами и глубокими поклонами. Каждый приглашает вас войти, сесть, позволить себя причесать, побрить, примерить костюм или белье, пару обуви, шляпу, бандаж или очки, или, может быть, приобрести набор искусственных зубов, флакон духов, или что-нибудь еще, например, сделать вам завивку, причесать или подстричь. А в это время в турецких кофейнях в блестящих бронзовых маленьких турках пенится кофе, а продавцы газет громко выкрикивают заголовки репортажей о положении на границе, и бесконечные процессии густоволосых накрашенных женщин с завитыми прическами проходят вдоль мостовой в ту или в другую сторону перед столиками кафе, заполненными толстыми левантийцами, что сидят там широко расставив ноги, как в описаниях Пашино, бывшего здесь проездом из Брэилы⁴.

Еще не время отправляться на ленч к Сюре. Поэтому я вышел из греческой кофейни «Манцавинато» и по одной из самых фешенебельных улиц Галаца под названием Домнеаска отправился к заливу, до которого примерно полтора километра. На улице Брашиовени окна вибрируют от пронзительного грохота трамвайных колес. Мимо в клубах пыли проносятся экипаж извозчика-скопца, в который запряжена пара шумно дышащих ухоженных лошадей. Сам кучер-скопец сидел на своей скамеечке, щеголяя в длинных одеждах. У него вытянутое лицо евнуха с мягкими чертами, очень худое какой-то дряблой, обвисшей худобой. Стаи собак и ватаги детей гоняют друг друга с одной стороны улицы на другую. Посмотрев вверх, я обнаружил, что надписи на магазинах выполнены на еврейском, армянском, турецком, греческом и румынском языках. Наконец я оказался на улице, что ведет к заливу.

Дунай после дождей вышел из берегов, вверх и вниз на воде качаются массивные фонари, привязанные вдоль причалов. Улица, проходящая вокруг гавани, представляет собой нечто вроде бесконечного ряда низких домиков, наполовину разрушенных землетрясением и теперь укрепленных с помощью балок. Самые роскошные жилища построены из кирпича. Остальные – из земли, смешанной с известью. И самые бедные – из соломы, смешанной с глиной. На улице прохожему обязательно встретится несколько мрачных складов с широко распахнутыми дверями, за которыми видны огромные ряды стеллажей с бочками, где хранятся деготь, перец, хальканит, сушеная рыба, изюм и разнообразные специи. Эта оживленная торговля импортным товаром монополизирована греками. Стройные и загорелые или, наоборот, полные и очень бледные, они стоят в дверях своих магазинов, скрестив руки на груди, с прилипшими к нижней губе сигаретами. С тусклыми глазами с нависшими над ними густыми черными бровями и длинными орлиными носами с подрагивающими красными ноздрями. Именно носы придают этим лицам цвета каракатицы хоть какое-то подобие жизни и утонченности, которое в остальном совершенно отсутствует в этих людях.

Суэта царит во всем Бадалане, как называется район вокруг гавани. На берегу реки толпятся солдаты. Группа военнослужащих территориальных войск разгружает с какого-то парохода скот, тюки сена, мешки с зерном и вязанки дров. Солдаты пожилые, с сединой в волосах. Они поспешно снуют между лихтером и причалом друг за другом, похожие на желтых насе-

⁴ Пашино Петр Иванович (1836–1891) – русский путешественник и журналист. В 1875–1876 гг. совершил кругосветное путешествие, до этого работал в Иране и Средней Азии, путешествовал по Индии.

комых. Несколько женщин с зелеными, желтыми и красными солнечными зонтами сидят на палубе лихтера, поедая сласти. Это жены капитанов, штурманов и владельцев судов.

На берегу, возле загона для скота, другая группа солдат занята приготовлением пищи. Это молодежь. Работая, они балуются и смеются. Кто-то чистит лук и чеснок, кто-то кидает в котелок фасоль, кто-то мажет большую сковороду лярдом, кто-то чистит картошку, кто-то режет на кусочки мясо, чтобы начать его готовить. В котелках кипит фасолевый суп. За всей этой процедурой наблюдает капитан, который время от времени поворачивает голову и лениво скользит взглядом по заливу, смотрит на женщин на палубах пароходов, на скот, на русский берег озера, за которым возвышается литейный завод «Титан-Надраг-Калан», охраняемый часовыми с примкнутыми к винтовкам штыками.

Широкие приземистые трубы завода извергают огромные облака черного дыма, который стелется над заливом, над домами, солдатами, животными и лихтерами. Временами создается впечатление, что причалы горят, что весь район Бадалан объят пламенем. Видно, как солдаты бегут за скотиной, как они гонят перед собой хлыстами лошадей. Непрерывно гудит товарный поезд, маневрируя перед станцией, которую тоже не пощадило землетрясение. В районе Бадалана все окрашено в синий цвет: окна, жалюзи, двери, балконы, перила, вывески магазинов и даже фасады домов. Здесь, на берегу этой мутной, почти белой реки, почему-то все заставляет вспоминать о море.

У бункеров за заводом неподвижно стоит группа солдат и рабочих. Они пожирают глазами манифест, который расклейщик афиш только что приклеил на стену. Это заявление правительства о том, что Хория Сима и другие лидеры легионеров⁵ приговорены к принудительным работам. Люди стоят, замерев, около манифеста, будто разглядывают картину. Мне в голову приходит мысль, что, возможно, они не умеют читать. Затем вдруг кто-то из солдат засмеялся, и все стали переговариваться между собой. Они обсуждали цену, которую правительство назначило за реквизированный скот, говорили о надвигающейся войне. Пока я иду обратно к гостинице, с озера Братеш поднимаются черные тучи, огромное темное пятно, которое заслоняет небо над рекой, над заливом и над городом. Пятно оказывается огромной стаей ворон. Птицы-могильщики печально каркают с крыш. Я иду обратно по улице Брашиовени.

Вдруг что-то падает с неба прямо на мостовую, в толпу пешеходов. Никто не останавливается и не оглядывается по сторонам. Я наклоняюсь над предметом, чтобы осмотреть его. Это кусок плоти, который ворона выронила из клюва.

⁵ Имеется в виду «Железная гвардия», ультраправая партия, действовавшая в 1927–1941 гг. Ее основателем был Корнелиу Зея Кодряну, после его казни в 1938 г. лидером партии стал Хория Сима. Главными своими врагами партия считала евреев, марксистов всех видов; ее национализм был крепко связан с религией, господствовал культ мученичества и самопожертвования.

Глава 2

Красная война

Яссы, 22 июня

Война против Советской России началась сегодня на рассвете. Впервые за последние два месяца я слышал звук артиллерийской канонады. (В прошлый раз это было в апреле под стенами Белграда.) Посреди этих обширных полей пшеницы и бесконечных «лесов» подсолнечника я снова вижу войну с ее беспощадной стальной поступью. Она в грохоте металла машин, в непрекращающемся монотонном вое тысяч двигателей («Хоннегер», «Хиндемит»). Снова запах людей и лошадей отступает перед всепоглощающим зловонием бензина. (Вчера, когда я ехал на северо-запад вдоль советской границы из Галаца в Яссы вдоль реки Прут, то наталкивался на команды упрямых непробиваемых фельджандармов, стоявших на каждом перекрестке, вооруженных своими красно-белыми регулировочными жезлами, с медными горже-тами на шеях.)

Как-то меня продержали два часа на одном из перекрестков, пока мимо проезжала германская колонна. Это была моторизованная дивизия. Впереди шли тяжелые танки. В описываемое время тяжелых танков в вермахте не было, самыми тяжелыми были средние танки Pz IV и Pz III. Она была переброшена из Греции. Дивизия прошла через греческие Аттику, Беотию, Фессалию, Македонию и далее через Болгарию и Румынию. Солдат везли на грузовиках в открытых кузовах. Они сидели на скамейках спиной к водителю. Их лица были белыми от пыли. На капоте каждого грузовика белым цветом было грубо нарисовано изображение Парфенона, так, как если бы его колонны изобразил ребенок. Белый цвет на темно-сером металле. Можно было догадаться, что под слоем пыли лица солдат были обожжены солнцем и ветрами Греции. Солдаты замерли в странной неподвижности, они напоминали статуи. Они были такими белыми, что смотрелись будто бы высеченными из мрамора.

У одного из них была сова, живая сова, которая сидела у солдата на руке. Птица, несомненно, приехала сюда из Акрополя. Это была одна из тех сов, что ночами с уханьем летают между мраморными колоннами Парфенона. (Тут я вспомнил, что сова считалась священной птицей Афины Паллады, «совоокой» богини.) Птица то и дело встряхивала крыльями, чтобы избавиться от пыли; на фоне унылой белизны окружающего пейзажа ее глаза горели особенно ярко. Такие же горящие глаза были и у немецкого солдата. В его взгляде было что-то таинственное, не подвластное времени. Этот взгляд будто говорил о вечной суровой непоколебимости.

Серые стальные машины прогрохотали мимо ивовых деревьев, росших вдоль реки Прут. Танки изрыгали из себя голубые струи дыма. Этот острый голубоватый дым наполнял воздух, смешиваясь с сырой зеленью травы и золотом пшеницы. Движущиеся колонны танков под прикрытием самолетов Ю-87 «Штука», с воем выписывавших арки в небе, казались тонкими линиями, нарисованными карандашом на широкой зеленой доске Молдавской равнины.

Правый, румынский, берег реки Прут, 23 июня

Я заночевал в деревне на правом берегу реки Прут. Время от времени сквозь бешеную дробь дождя и рев стихии я слышал где-то за горизонтом грохот орудий. Потом на равнину упала плотная непроницаемая тишина. При свете периодически разрывавших темноту вспышек молний можно было видеть, как по дороге, пересекавшей деревню, проходили колонны машин, батальоны пехоты, артиллерийские орудия, которые тащили мощные грузовики. Рев машин, топот лошадиных копыт, гортанные голоса солдат наполняли ночь тем неутолимым чувством тревоги, что всегда характерно для периода ожидания возле линии фронта.

Потом, когда в небе на востоке вспыхнул первый робкий луч рассвета, где-то вдалеке снова послышался глухой грохот орудийной стрельбы. Через серый безмолвный туман, кото-

рый ватой повис между ветками деревьев, я видел, как медленно всходит солнце, желтое и мягкое, похожее на яичный желток.

«Inainte, inainte, baetzi! Sa mergen, sa mergen!» Поднимаясь в телегах, солдаты щелкали кнутами, били лошадей по влажным бокам. «Inainte, inainte, baetzi! Но! Пошла!» Скрипели колеса, и повозки по самую ось погружались в грязь. По всем дорогам у Прута тянулись бесконечные колонны румынских военных повозок (телеги, которые здесь называют «каруцце», их используют крестьяне, с единственным длинным дышлом, грубо обработанные по бокам), которые тащили пары косматых низкорослых лошадей. «Sa mergen! Sa mergen!» Моторизованные германские колонны с ревом проносятся мимо этого потока телег, водители высовываются из кабин грузовиков с криком: «Weg! Weg! Дайте дорогу!» Тогда телеги соскальзывают к обочине, лошади тонут в глубокой грязи, румынские солдаты кричат, бранятся, смеются, щелкают своими кнутами, нахлестывают тощих лохматых лошадок по мокрым парящимся бокам. Небо прорезают металлические крылья немецких самолетов, постоянно пролетающих над головой непрерывным стремительным потоком, прокладывая себе путь в прозрачном небе, будто алмазы стеклорезов. Гул их двигателей падает на степь вместе с мягким свистящим звуком дождя.

Близ Хуши в Румынии, 25 июня

Несмотря на то что война идет уже три дня, Красная армия еще не вступила в сражение. Масса ее танков, ее механизированные части, ударные дивизии, команды специалистов (которых в армии, так же как и в промышленном производстве, называют стахановцами или ударниками) все еще не ведут боев. Стоящие перед нами части представляют собой войска прикрытия. Их немного, но свою немногочисленность они компенсируют мобильностью и упорством. Ведь русские солдаты настоящие бойцы. Их отступление из Бессарабии очень мало напоминает беспорядочное бегство. Это постепенный отход под прикрытием арьергардов из пулеметчиков, отрядов кавалерии, специалистов инженерных войск. Это тщательно подготовленное методичное отступление. Признаки поспешного оставления позиций, того, что противник был застигнут врасплох, наблюдаются лишь на немногих участках, там, где безошибочно можно найти следы боев в виде сожженных деревень, трупов лошадей, которых оставили гнить в канавах, разбитых машин и иногда, то здесь, то там, нескольких трупов (хотя последние встречаются так редко, что можно предположить, что советским солдатам приказали забирать своих погибших с собой). Короче говоря, стало ясно, что война не стала для русских, по крайней мере для военных, сюрпризом.

Однако в эти первые дни бои носят такой характер, что было бы необдуманным пытаться делать какие-либо выводы. Ведь немецкие и румынские дивизии пока воюют только против советских арьергардов. Вряд ли главные силы русской армии на Украинском фронте вступят в сражение западнее Днестра, который представляет собой естественный оборонительный рубеж. Противник попытается замедлить немецкое наступление, закрепившись на левом берегу Днестра, но настоящее сражение, настоящая битва начнется вдоль днестровского рубежа.

У Штефэнешти в Румынии, 27 июня

Сегодня я встречался с группой советских пленных. Их высадили из грузовика у немецкого штаба. Это были высокие молодые люди с бритыми головами, одетые в длинные кожаные пальто. Они были больше похожи на механиков, чем на солдат. Я подошел к самому молодому из них и задал ему несколько вопросов на русском языке. Он молча посмотрел на меня, ничего не ответив. Когда я снова обратился к нему, он на мгновение бросил на меня внимательный взгляд своих холодных глаз, откуда ушел блеск. Затем с ноткой раздражения в голосе он проговорил: «Я не могу». Я предложил ему сигарету, и он равнодушно ее принял. Сделав две или три затяжки, он бросил ее на землю, а потом, как бы извиняясь за этот невежливый

жест, посмотрел на меня с такой странной стыдливой улыбкой, что я бы предпочел, чтобы этот человек взглянул на меня с выражением открытой ненависти.

Глава 3

Рабочие в форме

Левый берег реки Прут (на территории СССР – в Молдавской ССР), 29 июня

Среди огромных зеленых пространств, что тянутся на километры во всех направлениях, вряд ли теперь кто-то может обнаружить малейший запах человека (только дух разложения отдельных трупов возле деревень, одиночных щелей и окопов, где советские солдаты оборонялись до последнего человека. И это можно считать запахом жизни, или, по крайней мере, связанным с нею).

Всю ночь напролет тяжелое темное и мрачное небо, словно из чугуна, падало на землю, подобно прессу в литейном цехе. Лагерь немецких войск на берегу озера в лесу просыпался на рассвете со звуками, напоминающими фабрику или завод. Точнее говоря, это даже не лагерь, а скорее бивак, поскольку состоит из целого парка машин, примерно двадцати грузовиков и четырех тяжелых (средних. – *Ред.*) танков. Все это в форме прямоугольника построилось на поляне около дороги. Проснувшись, немецкие солдаты принялись копаться в двигателях машин с помощью ключей, плоскогубцев, клещей и молотков. Чиханье карбюраторов заглушило ржанье лошадей эскадрона румынских улан, расположившихся по соседству с немецким лагерем. Из пруда доносятся веселые голоса купающихся и ополаскивающих немецких солдат, которые с хохотом гоняются друг за другом по берегу. Чуть далее собранные для водопоя лошади румын нетерпеливо бьют копытами землю, поднимая в воздух комья грязи. В румынском лагере солдаты жгут костер и готовят кофе. Немецкий унтер-офицер, одетый в камуфляж до колен, направляется по траве к дороге. Опустив голову, он, наверное, что-то ищет. Танки и грузовики тоже покрыты маскировочными сетями. На сложенные у бивака штабеля ящиков и канистр с бензином наброшены ветки.

Одетые в черные мундиры с беретами (на беретах эмблемы с мертвой головой), немецкие экипажи прохаживаются вокруг своих танков, наклоняются, чтобы осмотреть гусеницы, постукивают по колесам тяжелыми молотками, как железнодорожники при проверке вагонных тормозов. Время от времени кто-нибудь забирается на танк, поднимает люк, скрывается в брюхе гиганта, а затем появляется обратно. Под большим деревом оборудована полевая кузница. Кто-то из солдат возится с мехами. Другой бьет по наковальне молотом. Третий разбирает двигатель. Их товарищи проверяют давление в шинах грузовика. Запах керосина, выхлопных газов, бензина и раскаленного металла воссоздает в лесу характерную атмосферу мастерской. (Это – запах современной войны, настоящий дух войны моторов.) Но стоит отступить на сотню шагов, как его сменяет запах лошадиной мочи и человеческого пота. Сидя на траве возле своих палаток, румынские солдаты чистят винтовки, громко разговаривают между собой и смеются. Все они молоды, и все они крестьяне. Стоит лишь прислушаться к их речи, присмотреться к жестам, движениям, походке, к тому, как они держат оружие, как они отводят затвор, рассматривают ствол изнутри, как сразу же становится ясно, что все они крестьяне.

Их офицеры, капитан и двое других, ниже званием, прогуливаются туда-сюда по берегу озера, постукивая камышинками по кавалерийским сапогам. (В верхней части сапога, прямо под коленом, находится золотая розетка, эмблема кавалерии.) Рядом с лагерем вдруг показалась группа девушек-крестьянок. Я наблюдал за тем, как они раздают вишню, клубнику, а также бутылки с местной разновидностью йогурта, которую здесь называют «lapte batut». Тут с неба доносится звук, похожий на жужжание насекомого. Солдаты смотрят в небо. Этот звук издают три советских самолета. Они летят очень высоко в направлении на Хуши. Ночью советские летчики спят. Они взлетают на рассвете, кружат в округе все утро. Затем ближе к полудню исчезают и возвращаются почти на закате. Русская авиация собирается сбросить бомбы на

Яссы, Галац, Брэилу, Тулчу и Бухарест. Немцы продолжают задира́ть головы вверх. Они молча смотрят на вражеские самолеты. Затем так же молча они возвращаются к работе.

Я смотрю, как они работают. Я вижу, как двигаются их руки, как они держат предметы, как наклоняют головы над объектом своего труда. Это те же солдаты, за «работой» которых я наблюдал на улицах городов и селений Баната, севернее Белграда. На их лицах то же озабоченное отстраненное выражение, то же спокойствие, у них те же продуманные, точные движения, та же неулыбчивая невозмутимость. Они демонстрируют все то же безразличие ко всему, что не связано с их работой. Мне кажется, что особенный технический характер этой войны наложил свой отпечаток на бойцов. Они больше похожи на мастеровых за работой, на механиков, занятых наладкой сложной и хрупкой машины, чем на воинов, которые вот-вот вступят в бой. Они склоняются над пулеметом, нажимают на спусковой крючок, открывают казенник полевого орудия, берутся за двойную рукоятку зенитки с тем же деликатным стеснением или, что бывает чаще, с той же грубой сноровкой, будто затягивают гайку, либо ладонью руки или даже двумя пальцами регулируют вибрацию цилиндра, зазор большого винта или давление клапана. Они карабкаются на башни танков, будто лезут по металлической лестнице к турбине, динамо-машине или бойлеру. Да, в самом деле, они больше напоминают мастеровых, чем солдат на войне.

Сама их походка, манера говорить, их жесты – все это напоминает рабочих, а не солдат. На лицах раненых все та же скрытая досада рабочего, получившего травму на производстве. Дисциплина этих солдат своей гибкостью и отсутствием формальностей больше характерна для порядка, которого придерживается коллектив рабочих. Их командный дух сродни духу рабочего коллектива, корпоративному духу профессионалов. Они связаны со своим подразделением теми же узами общности и преданности, что и коллектив рабочих, который привязан к своим станкам, электриков – к динамо-машине, мастеровых – к верстаку, бойлеру или прокатному стану. В современных армиях, насыщенных техникой, офицеры являются инженерами, унтер-офицеры – мастерами и бригадирами. Маленькой «бригадой» танка командует фельдфебель, а не офицер. Колонну из двадцати грузовиков возглавляет унтер-офицер. Все солдаты являются специалистами, то есть профессионалами в различных областях. Все они знают, что от них требуется сделать, куда им следует направиться и как вести себя при определенных обстоятельствах.

Сейчас колонна готова к отправке. Механики заполнили топливные баки бензином, три танка заняли места в голове колонны, четвертый – в хвосте. Двигатели с мягким урчанием работают на холостом ходу. Однако в этот момент фельдфебель замечает, что все еще не вернулся посыльный. Он отдает водителям приказ заглушить двигатели. Затем все садятся на траву и начинают завтракать.

Солнце едва поднялось, в лесу слышны отголоски прекрасного пения птиц, листья деревьев окрасились розовым цветом, а вода в озере постепенно становится зеленой. Стволы деревьев сверкают и выглядят так, будто бы их только что покрыли лаком. Солдаты пригласили меня разделить с ними завтрак. Я сажусь на траву, унтер-офицер достает из ранца тубу с консервированным сыром, выдавливая оттуда сыр на черный хлеб, как из тюбика с зубной пастой, и размазывает его ножом. Я приступаю к еде. У меня в машине есть бутылка «Зуйки», разновидности бренди, который готовят из сливы. «Хотите по глотку «Зуйки»?» – предлагаю я. Солдаты весело соглашаются. Они едят и пьют, и вдруг я замечаю среди них симпатичного юношу с бритой головой в мундире цвета хаки. Это пленный.

Несомненно, этот человек рабочий. У него тяжелая челюсть, толстые губы и пушистые ресницы. Выражение лица упрямое и в то же время рассеянное. По некоторым мелким признакам я сделал вывод, что немецкие солдаты чувствуют себя обязанными обращаться с ним с толикой уважения. Причина: этот человек – офицер. Я спросил его на русском языке, не хочет ли он есть. «Нет, спасибо, – ответил он, – я не голоден». Он согласился лишь на глоток «Зуйки».

«О, вы говорите по-русски, – обратился ко мне фельдфебель. – Этот парень ни слова не знает по-немецки. Мы не можем понимать друг друга». Я спросил у фельдфебеля, где этот человек был захвачен в плен. «Он попался нам вчера вечером на дороге», – последовал ответ. С ним не было никаких хлопот. Увидев танки, он сделал жест рукой, будто бы хотел сказать: «Что я могу сделать?» Русский человек был вооружен пистолетом, но у него не было патронов. Пока я разговаривал с фельдфебелем, пленник внимательно разглядывал меня, будто бы пытаясь понять, о чем идет речь. Затем он внезапно протянул руку и схватил меня за рукав. «Мы сделали все, что могли, – заявил он, – мои люди сражались упорно. В конце боя нас осталось всего двое, – добавил он, выбросив окурки. – Второй умер на дороге». Я спросил его, был ли его товарищ солдатом. «Да, он был солдатом, – подтвердил он, посмотрев на меня с удивлением. – Он был солдатом, – повторил русский, будто бы значение моего вопроса только сейчас дошло до него.

Мы завязали разговор. Я говорил медленно, подбирая русские слова. Пленный отвечал так же медленно, будто бы и он тоже подбирал слова. Но причина была другой. В его глазах отражалось недоверие. Наверное, он не доверял не только мне, но и самому себе. Я снова спросил у него, не хочет ли он поест. «Да, – вдруг с улыбкой согласился он, – у меня ничего не было во рту со вчерашнего утра». Унтер-офицер предложил ему консервированной колбасы между двумя толстыми ломтями хлеба. «Ochen spasibo (Благодарю вас)», – сказал пленный. Он начал жадно есть, уставившись взглядом на гусеницу танка. Проследив за его взглядом, фельдфебель вдруг рассмеялся и, воскликнув «Ах!», вскочил, вынул из сумки ключ и затянул один из болтов на траке. Все солдаты засмеялись. Пленный тоже рассмеялся. Он был несколько смущен, он не хотел вмешиваться в это, он чувствовал свою вину за то, что якобы поступил невежливо. Как бы ему хотелось не заметить тот болт! «Спасибо!» – выкрикнул фельдфебель. Пленный покраснел и присоединился к общему смеху. Я спросил его, является ли он кадровым офицером. Он подтвердил, что это так. Затем он добавил, что служит в армии всего два года. «А что было до этого?» – поинтересовался я. До этого он работал на машиностроительном заводе в Харькове, на Украине.

Он был «стахановцем» и «ударником», то есть «передовиком производства». В награду за труд его направили в школу, где обучают на офицеров. В механизированных частях Красной армии очень много бывших стахановцев из технических отраслей. «Это глупо, – покачав головой, проговорил пленный, – лишить предприятия промышленности лучших работников». Он говорил медленно, с почти неуловимой ноткой досады. Тон голоса был таким, будто этот человек потерял ко всему интерес. Я не мог догадаться, о чем он думал и что чувствовал в тот момент.

Пока мы разговаривали, вернулся посыльный. «Отправляемся!» – скомандовал фельдфебель. Пленный поднялся на ноги, провел рукой по обритой голове и с живым интересом посмотрел на танки и грузовики. Теперь я понял. Его уже ничего не интересовало, кроме машин. Он внимательно взглянул на гусеницы и на открытые люки башен танков, на зенитные пулеметы, установленные в задней части грузовиков, на легкие противотанковые орудия, прицепленные к ним. Он не был больше офицером, он снова стал рабочим. Все, что теперь ему было интересно, – это машины.

«Отправляемся!» – повторил команду унтер-офицер. Я спросил у него, что они собираются делать с пленным. «Мы передадим его первому же встреченному фельджандарму», – был ответ. «До свидания», – попрощался я с пленником. «До свидания», – попрощался он со мной в ответ. Он пожал мне руку и забрался в кузов грузовика. Колонна тронулась с места, выкатилась на дорогу, какое-то время прогромыкала впереди, а потом исчезла из вида.

Лошади кавалеристов громко ржали и беспокойно били копытами землю, отрывали и отправляли в желудки блестящую траву изумрудного цвета. По команде офицеров солдаты стали прыгать в седла. Медленным аллюром эскадрон пошел вперед. «La revedere!» – кричу я солдатам. «La revedere!» – отвечают они мне. И когда фигурки всадников медленно растаяли

за горизонтом, я слышал за горизонтом гул орудий, очень тихий, который доносился откуда-то совсем издалека, из-за горизонта.

Глава 4 За Прутом

Шанте-Бани, Бессарабия, 2 июля

Вчера погода была неустойчивой. Очень холодный пронизывающий ветер свистел вдоль обширных зарослей тростника, где бродили многочисленные коровы и лошади. Примерно через восемьдесят километров пути дорога от Ясс на Штефэнешти идет по правому, румынскому, берегу реки Прут, проходя вдоль края обширной заболоченной долины у реки, которая вплоть до последних дней обозначала границу между Румынией и Россией. Примерно к десяти часам, после около пяти с половиной часов езды, мы оказались на расстоянии нескольких километров до Штефэнешти. Крыши из гофрированного железа домов этого большого поселка или, скорее, небольшого городка уже начали просматриваться сквозь бесчисленные лучи солнечного света, когда послышавшийся над головой рев двигателей и характерные звуки разрывов зенитных снарядов заставили нас остановиться и спрятаться вместе с машинами под прикрытием деревьев. Через несколько мгновений мы услышали, как первые советские бомбы взрываются впереди, между домами в Штефэнешти. Это был жестокий интенсивный авиа налет, который закончился только тогда, когда в сером небе над землей появились истребители «Мессершмитт». Невидимый воздушный бой, который теперь разыгрался между плотными облаками, постепенно сместился к границе, а затем перешел в небо Бессарабии. Тогда мы смогли продолжить наше путешествие и вскоре въехали в поселок Штефэнешти.

В результате непрекращающихся советских налетов от маленького уютного городка у реки Прут осталась только груда дымящихся руин. Когда мы туда въезжали, множество домов все еще пылало. Время от времени улицы городка пересекали группы немецких солдат с носилками, на которых лежало что-то, укрытое простыней. На маленькой площади за церковью два больших немецких грузовика, получившие прямые попадания, превратились просто в искореженные груды металла. Одна из тяжелых бомб попала прямо напротив входа в сад вокруг церкви, в нескольких шагах от небольшого кладбища, где покоились немецкие солдаты, погибшие во время воздушных налетов. Посреди перекрестка стоял на посту солдат фельджандармерии, строгий и неподвижный. По его лицу струилась кровь. Солдат не ушел со своего поста.

– Как нам проехать к мосту? – спросили мы у него.

Он поднял свой красно-белый жезл и указал нам направление. Повернувшись, он заметил, как группа из пяти или шести мальчишек, старшему из которых едва ли было больше десяти лет, сбилась испуганной кучкой у входа в кафе на углу улицы. (Автоматически я прочитал слова на сбитой табличке, повисшей над дверью: «Центральное кафе Янку Либермана».) Внутри здание было полностью разрушено, и даже в тот момент, когда я посмотрел туда, несколько клубов дыма все еще медленно плыли оттуда на улицу. «Weg, weg, Kinder!» – прокричал фельджандарм одновременно суровым и дружеским голосом и улыбнулся, вытирая окровавленное лицо рукой. При звуках его голоса дети молча бросились наутек и скрылись в развалинах ближайшего дома. Полицейский со смехом объяснил нам, что дети обычно стояли так целый день, смотрели, как он машет руками, поднимая и делая резкие повороты жезлом, чтобы упорядочить плотный поток движения транспорта. «Они не уходят, даже когда здесь падают бомбы, – добавил он, – они больше боятся меня, чем русских бомб. Но стоит лишь мне повернуться к ним спиной...» И даже в тот момент, когда он произносил эти слова, мы видели, как детские лица осторожно появляются из-за разрушенной стены. «Nichts zu machen (Ничего не подделаешь)», – с улыбкой заметил солдат фельджандармерии.

До недавнего времени в Штефэнешти было два моста через Прут, оба построенные из прочных деревянных бревен. Однако после начала военных действий русским удалось их взорвать, и какое-то время казалось, что немцы не сумеют переправиться на другой берег реки.

И на самом деле, в первые дни войны немецкие войска на этом участке вели себя очень пассивно. Ни одна пуля, ни один снаряд не был выпущен с румынской стороны в сторону советского берега. Жизнь была почти идиллической. Военные действия ограничивались воздушными боями между советскими самолетами, которые периодически бомбили Штефэнешти, и группами немецких истребителей, осуществлявших поддержку войск на этом участке. Но два дня назад немецкие саперы, которых не остановил огонь советской артиллерии, неожиданно начали строить понтонный мост, а еще через три часа вдоль советского берега развернулись танковые бои с участием немецкой танковой дивизии.

Этим утром мы проехали по понтонному мосту возле людей из организации Тодта, которые уже занимались возведением второго моста. Несмотря на то что работа постоянно прерывалась воздушными налетами, она шла быстро и методично, будто бы в полосе ста километров отсюда и не было советских войск. А на самом деле русские находились отсюда не далее чем в двадцати километрах, за дальними холмами.

Мы миновали еще одну сельскую триумфальную арку с эмблемой серпа и молота, которые большевики водрузили на всех своих приграничных пунктах. Ни один из домов советского села на левом, восточном, берегу Прута напротив Штефэнешти, казалось, не был разрушен. Немцы явно берегли дома бедных жителей Бессарабии⁶. С хладнокровием, граничившим порой с высокомерием, они переправились через реку без единого выстрела. Дюжина белых крестов из дерева акации выстроились вдоль берега реки у этой не тронутой войной деревни. Я остановился, чтобы прочитать имена павших. Все они были почти мальчишками, в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Немецкие солдаты вылезали из машин, набирали букеты диких цветов и клали их на могилы своих товарищей.

Я оглянулся вокруг. Дома в деревне с их белеными стенами и соломенными крышами выглядели чисто и опрятно. Деревянные наличники окон вручную украшены красивыми мозаичными узорами. За низкими палисадниками маленьких садилов вокруг домов стояли группы женщин и детей, которые смотрели на проходившие мимо моторизованные колонны. Старик неподвижно сидел в дверях, уронив головы на грудь. Совсем не было видно молодежи и мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет. В то же время много девушек, все молодые и не лишённые привлекательности в своих ярких платьях и платках красно-белого цвета. У девушек веселые глаза, но их лица бледны и печальны, и в их грусти видна изрядная толика горечи. Бледность свидетельствовала о недоедании и об эмоциях, которые я не мог определить. Это какое-то физическое выражение образа мыслей, о котором я, наверное, еще буду говорить в свое время, когда мне удастся проникнуть в тайну этих веселых глаз и бледных, печальных лиц.

Удивительно наблюдать за пасущимися на лугах коровами, за тем, как колышутся на ветру золотистые колосья, как мечутся между гусеницами остановившихся на пыльной дороге танков куры. Румынский берег, который мы покинули лишь несколько минут назад, был покрыт плотным туманом, а здесь нас встретила пыль. Это, как я полагаю, происходит оттого, что румынский берег расположен в заболоченной низине, в отличие от советского, который постепенно поднимается вверх рядом радиально расположенных обширных ступеней, образуя амфитеатр холмов, покрытых лесами и полями созревающей пшеницы.

Прямо на выезде из села мы присоединились к немецкой моторизованной колонне, с которой будем двигаться всю оставшуюся часть нашего пути в сторону фронта.

Незадолго до полудня колонна отправились в путь. Проносясь через бессарабские села, она оставляла за собой огромное облако пыли, пачкавшее зелень холмов, будто столб черного дыма при большом пожаре. Передовые части прошли здесь всего несколько часов назад, и вокруг нас все говорило о только что закончившихся боях, их специфический запах все еще стоял в нагретом воздухе. Все указывало на то, что это были скорее короткие жестокие стычки,

⁶ Вряд ли это так. Скорее рассчитывали использовать для размещения своих подразделений.

чем полноценные бои. Немецкие войска на этом участке медленно, но неотвратимо продвигались вперед, парализуя непрекращающимися сериями охватывающих маневров и жестких ударов мобильность русской обороны. В свою очередь, противник при поддержке танков часто переходил в контратаки против наступающих на него головных и фланговых немецких частей.

Однако чувствовалось, что эти контратаки имели очень скромные цели: они явно проводились для того, чтобы задержать, но не остановить немецкое наступление. Тем не менее ощущалось, что начиная с этого утра советские войска начали действовать более решительно на возвышенностях восточнее и севернее поселка Зайканы, расположенного примерно в десяти километрах отсюда. С каждым часом все более отчетливым становился грохот артиллерии, к которому примешивались резкие трескучие звуки выстрелов зенитных орудий.

Мы медленно продвигались вперед, как из-за плотного движения, так и из-за многочисленных препятствий, которые отступавшие русские войска щедро разбросали на пути. Некоторые участки дороги испещрены минными воронками. В траве вокруг на километры разбросаны стальные шлемы, перевернутые мотоциклы, остатки автомобильной техники, уничтоженной после попаданий бомб и снарядов. Пока мы поднимаемся на высоту, нависающую над Штефэнешти, на местности становится все больше и больше свидетельств проходивших здесь боев. На каждом метре земли зияют воронки снарядов. Вот, сделав остановку, мы наткнулись на лежащий прямо на дороге на боку советский танк, длинное спаренное [с пулеметом] орудие которого все еще нацелено в сторону долины. Здесь бой был долгим, яростным и жестоким. Русский танк поддерживало лишь небольшое подразделение пехотинцев из Туркестана, окопы которых были вырыты в пшеничном поле и под деревьями. Кажется, воздух до сих пор гудел от взрыва снарядов, он наполнен тем медленным гулом, что всегда сопровождает огонь артиллерии. Тучи мелких серых птиц низко летели над пшеничным полем, посвистывая, будто пулеметные пули.

Во время короткой остановки, которую мы были вынуждены сделать, наткнувшись на одну из многочисленных воронок на дороге, мы вышли и осмотрели поле боя. Советский танк имел огромную дыру в борту, через которую виднелись его вывороченные стальные внутренности. Однако мы так и не смогли обнаружить ни одного тела русских солдат, как долго ни всматривались. Когда это возможно, большевики забирают своих мертвых с собой. И всегда они уносят свои документы и полковые знамена. Группа немецких солдат внимательно осмотрела подбитый танк. Они были похожи на экспертов, расследовавших на месте причины аварии транспортного средства. Больше всего их интересовало качество техники противника, а также тактика ее применения на поле боя. Другими словами, им нужно было знать два аспекта технической оснащенности советской стороны, промышленный и тактический. Они изучали небольшие окопы, отрытые русскими, ящики для боеприпасов, брошенные винтовки, снарядные воронки, металл, из которого изготовлен танк, конструкцию спаренной [с пулеметом] пушки. При этом они, покачивая головой, приговаривают: «Ja, ja, aber...» Весь секрет немецких успехов подразумевается этим «aber...», то есть тем, что следует за словом «но».

Наша колонна снова двинулась в путь. Мы обгоняли батальоны пехоты, колонны артиллерии, кавалерийские эскадроны. Рев автомобильных двигателей, красные клубы пыли, покрывавшие холмы... Сквозь плотный туман проглядывали солнечные лучи. Они отражались на металле танков и на взмыленных крупах лошадей. Порывы пронизывающего ледяного ветра оставляли на толстом слое пыли глубокие борозды. Наши рты были полны песка, резало глаза, веки стали кроваво-красного цвета. Сейчас июль, и при этом стоял жуткий холод. Сколько часов мы уже провели в дороге? Сколько километров мы преодолели? Солнце уже садилось, влажность начинавшегося вечера проникала сквозь пыль и грязь в стальное чрево танков. Со стороны горизонта доносился ритмичный грохот орудий, похожий на удары гигантского поршня. Этот звук становился громче и одновременно мягче, усиленный и чуть измененный эхом.

Только что посыльный доставил в колонну приказ остановиться и развернуться на лугу у дороги под прикрытием деревьев. Всего за несколько минут колонна приняла построение, предусмотренное для ночных привалов. В небе над холмами и долинами, на которые уже легла глубокая тень и которые уже увлажнила вечерняя роса, слышался гул моторов. «Где-то там идет бой», – сказал лейтенант Лаузер, молодой человек с плечами атлета и мальчишескими глазами за толстыми стеклами очков (он доцент какого-то университета, если я не ошибаюсь). Лейтенант указал мне направление к горизонту, туда, где облако пыли было выше и плотнее, напоминая дым костра.

Над деревьями и полем слегка мерцали зеленые отблески. По дороге мимо проехала колонна санитарных машин с ранеными. Как отличаются раненые на этой войне от тех, что были двадцать пять лет назад! Я уже говорил это раньше: они больше похожи на рабочих, получивших травму на рабочем месте на производстве, чем на солдат, раненных в бою. Они молча курят, их лица несколько бледны, чуть напряжены. Возле нашей колонны ненадолго остановился коммерческий автобус из Бухареста, реквизируемый армейской медицинской службой. Он полон ходячих раненых, у многих забинтованы головы. У немецкого водителя танка по локти забинтованы обе руки. Его товарищ сунул ему в рот зажженную сигарету. Большой черный берет солдата надвинут на глаза, механик-водитель молча курил, лениво глядя вокруг. Может быть, боль не имела власти над сознанием этих солдат, озабоченных самим физическим фактом своего ранения, абстрагировавшихся от всего и полностью погруженных вовнутрь себя. Автобус отъехал, и все эти бледные лица поглотил зеленоватый отблеск света.

Солдаты нашей колонны сидели на траве, ели хлеб с мармеладом, пили чай, который везли с собой в термосах, выкрикивали что-то, перешучивались, переговаривались тихими голосами. Они не говорили о войне. Я заметил, что они никогда не разговаривали о войне. Они пели, но не хором, а каждый для себя. Быстро закончив свою трапезу, они занялись своими машинами: подтягивали гайки и болты, смазывали механизмы, ложились под днища танков, чтобы что-то проверить, что-то отрегулировать. Затем, после наступления ночи, солдаты, завернувшись в одеяла, легли спать на сиденья машин. Я тоже завернулся в одеяло и пытался заснуть.

Постепенно на небе появился бледный силуэт: это взошла луна. Я думал об отступлении советских войск, об их трагической одинокой отчаянной борьбе. Это не классическое русское отступление времен «Войны и мира», а отход в отблесках пламени, по дорогам, наводненным беженцами, ранеными, брошенной техникой. Обстановка на поле боя напоминает завод после неудачно закончившейся забастовки: холодно, пусто и безнадежно. На земле кое-где лежит брошенное оружие, военные головные уборы, несколько развороченных машин. Колоссальное боестолкновение проиграно. Наверное, на этом поле битвы нет Андрея Болконского, который лежал на ночном поле при Аустерлице; лишь несколько «стахановцев» из танковых экипажей, несколько пехотинцев из Туркестана. Неожиданно послышались голоса людей, проходивших по дороге. Потом я услышал хриплый голос. Это русский настойчиво, почти переходя в крик, приговаривал сам себе: «Нет, нет».

Он говорил «нет», будто протестуя. Я не видел лиц пленных. Топот шагов стих в отдалении, и постепенно я уснул, убаюканный далекими голосами пушек.

Глава 5

Технология и «производственная культура»

Зайканы, Бессарабия, 6 июля

Вчера, когда наша колонна двигалась вперед из безымянного селения на русском, левом, берегу реки Прут по зеленеющей долине и под красными облаками (облака действительно были красного цвета, они будто бы сошли с коммунистических пропагандистских плакатов, наклеенных прямо на небо) в направлении Шанте-Бани, передо мной вдруг открылась посреди пшеничного поля, этого созревающего изобилия, почти готового к сбору урожая, вызывающая отторжение картина поля сражения. Брошенные советские танки, разбитые после попаданий снарядов и бомб, поломанные винтовки, ящики с боеприпасами, перевернутые машины. И в определенный момент я вдруг подумал, что это не было обычной войной и что задача добросовестного наблюдателя, невозмутимого и объективного свидетеля хода русской кампании «модели 1941 г.», может очень отличаться от спокойного и объективного освещения любой другой войны.

Я сказал самому себе, что здесь важно не просто описывать попадания снарядов в танк и трупы лошадей, то есть исход и видимые следы боев, которые сейчас разворачиваются. Я должен попытаться ухватить основное значение, скрытые мотивы этой особенной войны, объяснить ее особый, уникальный характер, объективно, рассудком, свободным от пустячных деталей и глупого предубеждения, найти все характерные черты этой войны, признаки, которых не было ни в какой другой кампании из проводившихся до этого в Польше, Франции, Греции, Северной Африке и Югославии. Перевернутые танки и мертвые лошади, подумал я про себя, можно увидеть на любом поле боя.

Они являются неотъемлемыми элементами любой войны. Но если снабдить читателя таким материалом, который мог бы послужить основанием для объективных выводов, моральных, исторических, социальных и просто человеческих, а также стратегических, то это сказало бы гораздо больше о совершенно другой по характеру кампании против Советской России.

В первую очередь, следует отметить, что здесь немцы не ведут «легкую» войну со слабым противником. И сложившаяся, возможно, негативная оценка Советского государства не может служить основанием для того, чтобы не признавать огромные трудности, с которыми немецкая сторона столкнулась на этой войне. Советские войска сражаются упорно и ожесточенно, они обороняются храбро и стойко. (Тем не менее следует добавить, что, даже если бы советские дивизии отступали, не оказывая никакого сопротивления, темп наступления немецких войск не был бы другим. На самом деле это чудо, что мы можем продвигаться по этой ужасной местности хоть по несколько километров в день⁷.)

Вчера был момент, когда я с испугом подумал, что нам следует остановить продвижение и отказаться от планов дальнейшего наступления. Представьте себе тысячи и тысячи тяжелых машин, танков, груженных боеприпасами повозок, мобильных мастерских, колонн грузовиков с грузом боеприпасов, зенитных орудий, бензовозов, санитарных машин, полевых кухонь и т. д., скучившихся бесконечной лентой на узкой, разбитой танковыми гусеницами грунтовой дороге, где ноги глубоко вязнут в черной, липкой, очень вязкой массе, которую немецкие солдаты называют «буной» по имени синтетической резины. Добавьте к сложностям местности чрезвычайно мобильную, упорную и технически хорошо организованную советскую оборону

⁷ Советские войска на описываемом участке фронта сильно замедлили продвижение 11-й немецкой и 3-й румынской армий. Севернее, на Западной Украине и в Белоруссии (не говоря уже о Прибалтике), немцы продвинулись за то же время очень далеко.

и подумайте, не является ли все это исчерпывающим объяснением кажущейся медлительности (на этом участке фронта) немецкого наступления.

В то же время для того, чтобы оценить истинные причины превосходства вермахта над Красной армией, совершенно нет необходимости вступать в долгую полемику, брать на вооружение удобный прием (к которому лично я никогда не собираюсь прибегать) клеветы на противника, вешать на него клеймо труса или глупца. Достаточно своими глазами увидеть эту внушающую ужас военную машину, каковой при ближайшем рассмотрении оказывалась немецкая армия. Сегодня утром я стоял на уступе холма, что спускается вниз, к селению Зайканы. Передо мной кружилось и вилолось в водовороте на ветру облако красной пыли. Безостановочно гремели орудийные залпы. Далеко над моей головой группы немецких и советских самолетов ныряли и снова выныривали из огромных масс пушистых белых облаков. А подо мной по обеим сторонам холма, на дне долины и на противоположном ее склоне я видел, как медленно продвигается вперед – нет, не армия, а огромный кочующий завод, гигантская мобильная фабрика, которая растянулась по всем направлениям, насколько хватало взгляда. Это было похоже на то, как тысячи труб, подъемных кранов, железных мостов и стальных башен, миллионы шестерен, сотни и сотни пылающих печей и прокатных станов со всей Вестфалии, всего Рура, наступали единым целым по широким просторам полей Бессарабии. Это было похоже на то, как громадные сталелитейные предприятия Круппа, гиганты Эссена, готовились броситься в атаку на холмы у селений Зайканы, Шофронканы и Братушаны. Да, так оно и было: я смотрел не на армию, а на колоссальную стальную машину, в которой множество рабочих выполняли различные задачи с такой стремительной эффективностью, что с первого взгляда не был замечен огромный масштаб их работ. И что удивило меня больше всего, так это то, что эта гигантская стальная машина оставляла за собой не груды дымящихся руин, не кучи мусора, не почерневшие поля, а все те же мирные села и необозримые поля пшеницы⁸.

Я стоял рядом с наводчиком противотанковой пушки, которого звали Карл. «Красные отступают», – сказал он мне, указывая на красное облако, поднимавшееся вверх в пяти-шести километрах от нас, от холма за Зайканами, несколько восточнее села Братушаны. Сначала я подумал, что это было облако дыма, что отступающие русские предают огню поля и села. «Nein, nein», – покачал головой Карл. Нет, нет, красные не уничтожают поля и села. То, что красные берегут поля и поселки, ни в коей мере не идет на пользу советским войскам. Бережь сельскую местность является частью стратегии в современной войне. Атакам подвергаются только города. Города являются центрами хранения зерна, производства техники, боеприпасов, станков и т. д. Они сами по себе являются военными машинами. Целью современных армий является уничтожение производственных мощностей противника, а не полей и сел. Дело машины в буквальном смысле этого слова – уничтожать другие машины. После того как стихает грохот битв, после того как мимо нас прошел гигантский стальной завод, мы снова слышим, как после бури в стихах Леопарди, крики животных и шепот ветра на полях.

Вчера утром, когда мы переправлялись через Прут, а потом и вечером в Шанте-Бани вдоль стальных бортов тяжелых грузовиков с их клаксонами бродили коровы, а между траками танков бегали куры. В скотных дворах кричали свиньи. Крестьяне предлагали солдатам большие ломти белого хлеба. Несколько часов назад в деревне близ села Зайканы нашла свой конец свинья, которая попала под колеса грузовика. Вокруг мертвого животного собралась группа солдат. Было видно, как отчаянно им хочется забрать его и насладиться жареной свининой. И они сделали это, но прежде заплатили владельцу, старому крестьянину, несколько сот лей. Та дружеская сделка, спокойная деловая операция на краю поля боя, выглядела естественной для всех ее участников, и особенно для того крестьянина.

⁸ Там, где колоннам вермахта удавалось быстро продвинуться, возможно, такое бывало. Но при боях за селения и города их застройка безжалостно уничтожалась артиллерией и авиацией.

Забрав свинью, немцы вернулись в свою машину со смехом и шутками, с тем просто-душным весельем, что так характерно для этих солдат-рабочих. Я был удивлен и тем, что они инстинктивно решили уважить права крестьянина на его собственность, и тем, как естественно, с достоинством воспринял это он сам. Наверное, во всем этом сработал не только моральный принцип, но и то едва уловимое влияние, что приводит в действие современная техника, современные машины и современный производственный процесс на человеческую мораль⁹. И несомненно, является верным то, что машины глубоко влияют на моральные взгляды этих солдат-рабочих, то есть сами превращаются в фактор морали.

Прошло всего несколько часов после того, как мы выехали из селения Шанте-Бани, а специалисты-саперы уже устанавливали телефонную линию, которая протянется по маршруту нашего наступления почти до линии фронта. Команды солдат переносными пилами с бензиновым мотором спиливали стволы акаций. Другие специальными крюками срезали кору, удаляли острые края, сверлами проделывали отверстия, а затем прикрепляли фарфоровые изоляторы. Одновременно в земле через равные промежутки выкапывались углубления, и вот уже очень длинная прямая линия из белых столбов спускалась с холма в долину, затем поднималась вверх по противоположному склону, проходила через лес и, наконец, исчезала из виду где-то в направлении на Штефэнешти. Саперы с помощью альпинистских кошек влезали на столбы и протягивали на них блестящий медный провод. Трудно сказать, что именно вызывало большее восхищение в этих операциях: скорость, аккуратность или порядок.

Вблизи того места, где саперы ставили последний столб, ближайший к нам, отделение солдат трудилось над оборудованием небольшого кладбища: они рыли могилы, устанавливали на них кресты из белой акации, раскаленным докрасна железом выжигали на крестах имена погибших. В каждом движении этих солдат, в их позах, можно было наблюдать ту же гармонию, то же простоту и аккуратность, как и в движениях и позах саперов, протягивавших телефонную линию, или механиков, за которыми я наблюдал во время ремонта двигателя, или пулеметчиков, смазывавших детали зенитного пулемета, установленного на грузовике рядом со мной. В движениях и позах всех этих солдат ощущались расторопность и собранность, что казалось мне свидетельством гуманизма, основанного не на одних чувствах, как раньше, а на технологиях. В этом есть что-то глубокое и одновременно неосознанное, что-то глубоко личностное и чистое. (Последнее чувствительному итальянцу явно померещилось, как и многое другое в дальнейшем. – *Ред.*)

Сразу же после полудня мы въезжаем в Зайканы. Советские войска оставили село всего несколько часов назад. Я пошел побродить между домов и построек. В пруду за красивой белой церковью со сверкающими серебристыми куполами в высокой траве лениво плавали сотни уток. На лугах паслись стада лошадей. Хлопая крыльями, бегали куры, поднимая тучи пыли. Белыми пятнами на зелени холмов смотрелись коровы. Мальчишеское воинство с восхищением рассматривало немецкие машины, женщины с улыбками выглядывали из-за заборов, старики сидели у дверей домов, их лица наполовину были скрыты под огромными шапками из шерсти. Все те же обычные сцены, обычные сцены абсурда, характерные для таких поселков, все еще спокойных и умиротворенных, хотя и испытывающих некоторую нервозность после того, как война, подобно отливу, миновала их.

Я остановился у часовни, одной из тех деревенских часовен, что можно увидеть в любом горном уголке Италии, даже в моей области Трентино-Альто-Адидже. Но здесь над часовней

⁹ Никакой морали на других участках фронта немцы не соблюдали. Здесь же, по договоренности с Румынией, которой была обещана не только Молдавия, но и территория дальше к востоку до Южного Буга, местное молдавское население считалось «румынским», и, следовательно, солдаты вермахта несколько сдерживали свои инстинкты (хотя и не всегда). На других участках фронта и далее в ходе наступления восточнее немцы и их союзники бесчинствовали без ограничений и безнаказанно (что было закреплено в соответствующих распоряжениях).

не было креста и деревянной раскрашенной фигуры Христа. Сельские прихожане, видимо, только что заново покрасили часовню, но фигура Христа исчезла, как исчез и крест. Ко мне подошел и снял свою шерстяную шапку старик-крестьянин. «Большевики не разрешали нам иметь в церквах иконы и изображения Христа», – сообщил он мне. И старик принялся смеяться, как будто можно было лишь посмеяться над неверием коммунистов. Позже один из немецких офицеров рассказал мне, что молодежь в деревнях отличается от стариков своим отношением к религии. Они как будто презирали веру.

Я зашел в церковь. Здесь царил порядок, все чисто и аккуратно. Стены выглядели так, будто их только что побелили. Но здесь не было икон, крестов, не было ничего, что напоминало бы о христианской религии. Исчезли даже кресты с куполов церквей. Некоторые из женщин, с которыми я познакомился, рассказывали мне: «Это большевики сбросили кресты. Им кресты не нужны». И они начинали смеяться, будто находили неверие коммунистов смешным. В то же время сами они при этом начинали креститься, сложив три пальца, а затем целовали кончики этих пальцев.

Наш командир занял под свой штаб здание поселковой школы. Мы останемся в Зайканах всего на несколько часов. Но здесь уже было налажено телефонное сообщение, уже работники штаба стучали по клавишам печатных машинок. Парты в школе новые, но они уже были запачканы чернилами, поцарапаны перочинными ножиками детворы. На стене висело расписание, напечатанное на русском языке. Это довольно сложная программа для начальной школы, расположенной в сельской местности. Впечатляло количество часов, которые еженедельно отведены под уроки «пролетарской морали». Пока я шел обратно, чтобы занять свое место в колонне, разразился яростным огнем батареи зениток. Прямо над нашими головами на высоте примерно трех километров прошли строем двадцать три советских бомбардировщика. Очертания двухмоторных бомбардировщиков ясно видны на сине-белом небе. Зенитные снаряды разрывались очень близко от самолетов, задняя машина замедлила ход, потом снова заняла место в строю. Самолеты летели на восток, возвращаясь с задания, отбомбившись на наших линиях коммуникаций.

Через несколько секунд небо прочертили два немецких истребителя, спешившие в преследовании за строем советских машин, которые уже скрылись за облаками на горизонте.

«Русская авиация очень активна в эти дни, – проговорил капитан Целлер, штабной офицер, приписанный к нашему подразделению. – Самолеты противника бомбят мосты через Прут, атакуют наши тыловые коммуникации. Они доставляют некоторое беспокойство, но приносят нам мало вреда».

Он комментирует то, как сопротивляются советские войска, и говорит об этом как солдат – объективно, без преувеличений, без оглядки на чьи-либо политические пристрастия, не дает никаких ссылок, помимо чисто технического характера. «Мы берем мало пленных, – говорит капитан, – потому что русские всегда сражаются до последнего солдата. Они никогда не сдаются. Их технику нельзя сравнивать с нашей, но они знают, как ею пользоваться».

Он утверждает, что на этом участке фронта советские дивизии укомплектованы в основном выходцами из Азии¹⁰. Русские служат только в специальных частях и подразделениях. Нам довелось увидеть двух пленных офицеров, двух лейтенантов – летчика и танкиста.

¹⁰ Советские соединения комплектовались по призыву преимущественно представителями преобладавших в СССР народов, и национальный состав их был смешанным. Некоторые исключения в начальный период войны были в Прибалтике (что плохо кончилось). Гораздо позже появились национальные дивизии, сформированные в Закавказье, которые также проявили себя недостаточно хорошо (и просто плохо, как 404-я стрелковая дивизия, бросившая свои позиции на Керченском п-ове в мае 1942 г., что привело к развалу фронта и последовавшей катастрофе). Поэтому в дальнейшем боевые дивизии формировались как смешанные с преобладанием солдат из славянских народов СССР (русских, украинцев, белорусов). Хотя известны «эстонские», «латышские» и другие соединения.

«Они очень примитивны», – отмечает капитан Целлер. Это единственное замечание не технического характера, до которого он позволяет себе снизить. И, на мой взгляд, это суждение ошибочно: это точка зрения буржуа.

Офицер-летчик медленно затягивался сигаретой, в то же время внимательно разглядывая нас. Он с нескрываемым любопытством посмотрел на мою форму, мундир офицера альпийских стрелков. Но ничего не говорил. Мне сказали, что из этих двоих этот человек менее склонен к разговорам. Он отказался в чем бы то ни было признаваться. Плененный выглядел как человек из народа, возможно, является выходцем из крестьян. Русский был чисто выбрит, с угловатой фигурой и крупным носом. Он выпрыгнул из самолета, когда машина загорелась. Русские летчики, которым пришлось приземлиться за немецкой линией фронта, обычно оборонялись из пистолетов. Этот человек был безоружен: когда он выпрыгивал с парашютом, пистолет выпал из кобуры. Он сдался с оттенком безразличия. Офицер-танкист обладал крепким и массивным телосложением. У него было жесткое, грубое лицо, светлые волосы и яркие большие глаза. Возможно, он выходец из рабочей среды. Он с удовольствием курил, лицо расплылось в улыбке. Он взглянул на меня. Я обратился к нему по-русски. Танкист ответил, что жалеет, что попал в плен.

– Вы хотели бы воевать дальше? – спросил я у него.

Он промолчал. Потом сказал, что попал в плен не по своей вине. Он сделал все, что должен был, у него нет причин упрекать себя.

– Вы коммунист? – спросил я русского.

Он снова не ответил. После паузы рассказал мне, что несколько лет проработал на заводе шарикоподшипников в Горьком, бывшем Нижнем Новгороде. Он смотрел, как несколько солдат на скорую руку чинят двигатель. Видно, что он с удовольствием и сам бы занялся этим мотором. Русский выбросил сигарету, снял пилотку и провел рукой по голове. Сейчас он был похож на рабочего, который потерял работу.

Ближе к вечеру колонна вновь отправилась в путь. До свидания, Зайканы. Машины по самые оси вязли в грязи. Всем приходится выходить и толкать их. Мы проехали мимо длинной колонны артиллерии. Каждое орудие, каждую повозку с боеприпасами тянули шесть, а иногда и восемь пар лошадей. На бровке холма появился кавалерийский эскадрон. Фигурки верховых выделялись своими резкими очертаниями на фоне покрытого облаками неба, освещенного косыми кровавыми лучами заходящего солнца. Через несколько километров мы увидели село Шофронканы, расположенное в зеленой низине. Близлежащие холмы все еще окутывали солнечные лучи, но сама долина внизу уже находилась в глубокой тени, орошенная вечерней росой. Вдруг неожиданно в густых массах облаков послышался рев мотора самолета. На дома в Шофронканах посыпались бомбы. Потом еще и еще. Темноту под нами разорвали красные вспышки. Внезапно над краем поселка появился ярко-красный столб пламени, и от холма к холму прокатился ужасающий грохот взрыва. По моим оценкам, в налете принимали участие два или три самолета, не больше. Но теперь пурпурное небо разрезали силуэты двух немецких истребителей, которые устремились на русские бомбардировщики. Один «Мартин»¹¹, обвешанный пламенем, пошел вниз, в направлении на Братушаны. Чуть погодя к нам прибыл посыльный, который сообщил, что мост у Шофронкан разрушен и что одна из бомб попала в два грузовика с боеприпасами. Много убитых. Нашей колонне придется подождать на возвышенности, прежде чем мост будет отремонтирован. Теперь движение, несомненно, задержится на многие часы. Несколько домов в поселке горят. Несколько правее нас вели непрерывный огонь несколько гаубичных батарей; на расстоянии слышался грохот разрывов. Время от времени

¹¹ Очевидно, автор так ошибочно называет бомбардировщик СБ КБ Туполева.

сквозь ночь до нас доходят звуки ружейной стрельбы. Это стреляли отставшие от своих русские. Над полями медленно поднималась бледная мрачная луна.

Глава 6

Посмотрите внимательно на этих мертвецов

Братушаны, 7 июля

Колонна снова тронулась в путь уже в полночь. Прохладный ветерок дул нам поперек дороги. Воздух был тих и прозрачен, он сверкал при лунном свете, как вода. Мы спустились с холмов в направлении на Шофронканы. На краю поселка до сих пор горело одно из зданий. На самом деле Шофронканы – это больше чем поселок, это, скорее, небольшой городок, белые здания которого видны посреди рощ цветущих ореховых деревьев, акаций и лип. Нам было приказано занять место на противоположном холме, так чтобы мы могли обеспечить оборону левого фланга большой колонны, которая сейчас втянулась в упорный бой у селения Братушаны. Нам нужно действовать быстро. Мы и так потеряли слишком много времени в ожидании, пока саперы восстановят мост. Машины тонули в грязи. Дорога, если так можно назвать эту полевую дорогу для перегона скота, была покрыта толстым слоем тончайшей пыли, которая с каждым порывом ветра превращалась в плотное облако красного цвета. Однако в некоторых местах, там, где вода все же впиталась в глинистую почву или где наш путь пересекает ручей, вязкая и липкая грязь забивалась в колеса грузовиков и гусеницы танков, которые медленно погружались в «буну», будто в зыбучие пески.

Солдатам приходится выходить и толкать машины. К яростному вою моторов добавляется их хриплое дыхание, в котором было что-то звериное.

К этому моменту луна спряталась, и ночь стала темной, как смола. В темноте в лесах и по полям рассыпались русские солдаты, которые начали охоту на нас. Над головами свистели пули. Никто не обращал на это внимания. Должно было произойти что-то более серьезное, чтобы отвлечь наших солдат-рабочих от выполнения своих непосредственных обязанностей. Пока посыльный лейтенанта Вейла вез в Зайканы приказ, его несколько раз обстреляли из пулемета. Стрелки не являлись партизанами в прямом смысле этого слова: это солдаты Красной армии, отставшие от своих. Они обстреливали наших одиночных солдат, вели огонь по флангам и тылу колонны.

Так мы приехали в Шофронканы. Переехали узкий деревянный мост, который саперы построили всего за несколько часов. Стволы деревьев, уложенные на бревенчатый настил, мост прогибается, стонет и гнется под весом машин. Жители селения бежали в леса от советских бомбежек. Остались только собаки. С яростным лаем они бегали в садиках у покинутых домов. На то, чтобы проехать через поселок, нам потребовалось более часа. Приходилось толкать и тянуть машины голыми руками. Грязь стекала по ногам, забивалась в сапоги. Очень хотелось есть. У меня осталось несколько кусочков хлеба и немного сыра.

Впереди нас ночь освещается ярко-красными вспышками разрывов бомб. Грохот взрывов тяжелых снарядов заглушал рев двигателей. Закричал кто-то из офицеров; его голос грубый, металлический, резкий. На одном из участков наша машина попала в дорожную яму, заполненную грязью. Несколько солдат устремились к нам, чтобы помочь вытянуть машину. Все напрасно. Нам пришлось ждать, пока подойдет гусеничный вездеход, возьмет нас на буксир и своей мощью освободит нашу машину из клейкой массы «буны». На дне той ямы остался мой фотоаппарат. Я раздосадован, потому что в нем находилась катушка непроявленной пленки. Я пытался успокоить себя мыслью, что все могло бы быть еще хуже. Мы миновали последние дома в Шофронканах и вновь начали взбираться в гору. Дорога становилась просто невозможной. Машины пытались забраться вверх по склону, буксовали, скользили назад. Оказалось, что гораздо проще срезать путь по диагонали через соевое поле. Широкие листья и волокнистые стебли обеспечивали хорошее сцепление колес.

Один из пулеметов стал поливать бесконечные поля слева от нас короткими очередями, чтобы рассеять несколько отдельных групп русских солдат, которые прятались в полях. Уже начинало рассветать, когда колонна подошла к подножию холма. Впереди, на вершине живописного отлогого склона, покрытого золотистой пшеницей, явно просматривался на фоне ясного неба силуэт советского танка. Он медленно, тяжелой поступью, спускался в нашу сторону, пулемет озарялся вспышками. Вот танк остановился и выстрелил в нашу сторону из пушки. Затем он продолжил катиться дальше; я отчетливо слышу лязг гусениц. Создавалось впечатление, будто русская машина принохивается к воздуху, пытается нащупать невидимую дорогу через поле.

Неожиданно снова открыл огонь танковый пулемет, но пулеметчик вел огонь нерешительно, будто проверяя его работу. Танк быстро скользил вниз по склону холма в нашу сторону, затем вдруг сделал полукруг и, продолжая вести огонь из пушки, отправился в обратную сторону. Это было похоже, будто танк кого-то ищет, кого-то зовет. Вот несколько солдат появились из пшеницы и медленно, не скрываясь, побрели в сторону холма. Затем в разных местах появились и другие солдаты, всего около сотни человек. Очевидно, это было какое-то подразделение, оставленное действовать в арьергарде. А может быть, это подразделение просто оказалось отрезанным от основных сил. Похоже, эти люди не знали, что делать. Они искали пути спасения. «Arme Leute (Бедные парни)», – прошептал мне на ухо лейтенант Вейл.

А сейчас русские солдаты пошли вниз по холму в нашу сторону, стреляя из автоматов. Потом неожиданно пропали из виду. Здесь, должно быть, было что-то вроде впадины, углубления в склоне холма. Видно, как осколки снарядов наших минометов поднимают вокруг танка комья дерна. Прерывистый лай пулеметного огня слышался на фланге нашей колонны, будто кто-то передавал послание азбукой Морзе. Затем справа от нас появились немецкие солдаты, которые, стреляя на ходу, опустив головы, быстро пошли в сторону русских. Они наступали цепью, поливая пространство перед собой из автоматов. Противотанковое орудие выпустило по советскому танку несколько снарядов. А сразу же за русским танком на бровке холма возникли силуэты двух немецких танков. Колонна получила приказ двигаться вперед, поддержать наступающее подразделение. Русские начали медленно отходить, все время огрызаясь огнем.

Мы поднялись на вершину холма, спустились в долину и снова начали двигаться вверх. Увидели сидящего на земле немецкого солдата. Солдат был ранен в ногу. Улыбаясь, он вытирал рукой грязь с лица. К нему, так же улыбаясь, подошел санитар, опустился на колени возле раненого и начал промывать рану. Русские медленно отходили; стреляя на ходу, они шли прямо через поле. Развороченный советский танк лежал на боку.

Неожиданно из громкоговорителя донесся зычный голос: «Achtung! Achnung!» И тут же после нескольких металлических свистящих звуков из пристроенного на крыше огромного рупора специального автобуса РК (Propaganda Kompanie) послышалась мелодия танго. Солдаты завопили от удовольствия. Оглушительная музыка стала аккомпанементом к реву двигателей, перестуку пулеметных очередей и лязгу танковых гусениц.

«Ich habe dich lieb, braune Madonna...» – выводил через громкоговоритель мужественный голос. Колонна остановилась. Высоко над нашими головами с ужасающим свистящим визгом проносился рой пулеметных пуль. Я направился к лейтенанту, командовавшему отделением группы пропаганды, приданным нашему подразделению. Когда я предложил ему сигарету, то заметил, что офицер вытянул руку и пошарил ею в поисках, будто был слепым. Этот человек потерял очки. Он улыбнулся, осторожно потрогал себя двумя пальцами за веко и заявил: «Уже второй раз с начала войны я теряю очки. Мне уже приходилось добираться на ощупь до Парижа».

Колонна снова двинулась в путь. Через минуту или две мы подъехали к развороченному русскому танку. Возле него в поле лежало несколько трупов русских. Двое, широко раскинув ноги, вытянулись на спине. Остальные в неестественных позах лежали на боку. Вокруг танка

их было около двадцати человек. От колонны отделился санитар. Он подошел к телам, потрогал их и осмотрел одно за другим. Колонна остановилась. Солдаты выглядывали из машин, уставившись на трупы.

«Nichts zu machen (Что поделаешь)», – объявил санитар.

Некоторые из мертвых были одеты в темно-серые мундиры с нашивками синего и красного цвета, остальные – в хаки. На всех высокие сапоги. На головах не стальные шлемы, а пилотки. Головные уборы двоих, один из которых имел азиатские черты лица, напоминали кожаные шлемы, которые носят летчики. Не было никаких сомнений, что это члены экипажа танка. Очень странное впечатление производят павшие на этой войне. Они лежат посреди пшеницы, похожие на духи пришельцев. У них нет ничего общего даже с безграничным небом, которое безмятежно раскинулось над холмами. Поле распространяет неземные краски, смесь зеленого и желтого. Ветер волнами гуляет над полем, и эти волны разбиваются о линию горизонта. Ненадолго установилась полная тишина, в которой слышался лишь таинственный шелест созревающей пшеницы. Эти мертвые солдаты были похожи на потерпевших кораблекрушение моряков, которых выбросило ураганом на берег, омываемый легкими волнами этого моря колосьев.

Взошло солнце, и при легком утреннем ветерке оно казалось ярким и кристально чистым. Из оставшегося у нас в тылу, примерно в двух километрах, селения Братушаны доносились громкие крики петухов, мычание коров. Группы перепуганных крестьян выстроились перед заборами своих домов, другие выползли из огромных стогов сена. Женщины и дети прятались в сене всю ночь. Это необычная война. Черная стальная змея бронированной колонны огибала деревни, обходила слегка колыхающиеся поля, хрупкие домики из соломы и извести, не трогая ничего этого. Это было похоже на чудо, но это всего лишь результат развития техники, доведенной до совершенства, результат научного подхода к ведению войны.

Колонна бронетехники является прекрасным, точнейшим инструментом. В этой необычной войне, как кажется, уязвимы только машины, а человеческие жизни стремятся сохранить всеми способами. Именно поэтому на этих полях сражений смерть воспринимается как несчастный случай, как что-то, не поддающееся логике, выходящее за ее рамки. В смерти на этой войне есть что-то абсурдное. Даже для солдат она имеет налет чего-то неожиданного, почти дикого. Смерть – это реальность, не поддающаяся ни правилам, ни законам. Она приносит с собой шок. Это похоже на то, как будто эксперимент вдруг заканчивается неудачей, неожиданно обнаруживается дефект в самой военной машине. Но именно нелогичность и абсурдность смерти возвращает погибших в реальность, ведет их обратно к логичному ходу вещей.

В один из моментов во время этого скоротечного боя с советским арьергардом у меня сложилось стойкое впечатление, что машины ведут себя как живые существа, почти как люди, что они обладают волей и интеллектом. И те люди, что шли среди полей, стреляя по огромному стальному телу танка, казались мне чуждыми в этом яростном эпизоде, в ужасающем столкновении машин. Я подошел к трупам советских солдат и стал разглядывать их одного за другим. Почти все они принадлежали к монголоидной расе. Они уже не сражались, как это было раньше, верхом на маленьких степных лошадях, вооруженные только ружьем или длинной пикой. Они сражались на машинах, смазывали машинным маслом детали механизмов, внимательно прислушивались к пульсу двигателей. Они больше не припадали к лошадиной гриве, а склонялись над приборной панелью с индикаторами работы механизмов. Стахановцы сталинской армии, ударники, подлинные дети пятилеток, продукты знаменитой ленинской формулы «Советы + электрификация = Большевизм»¹² демонстрируют свою способность противостоять в жестокой и кровавой борьбе солдатам-рабочим армии Германии. (Механизация армий охва-

¹² На самом деле «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» (В.И. Ленин).

тывает не только «специализацию» профессий, но и техническую подготовку масс через индустриализацию сельского хозяйства. В этом основное значение войны, главная суть конфликта между Россией и Германией, спора не только одних солдат, но и машин, технологий, организации производства. Это конфликт не только между инженерами Геринга и Стаханова (Сталина), но и между национал-социализмом с его великолепным искусством реконструкции и организации, и советским коммунизмом с его пятилетними планами. Одним словом, это конфликт между двумя народами, которые в результате индустриализации, вернее, в результате «механизации сельского хозяйства» стали не только более эффективными с точки зрения техники, но и стали носителями того промышленного «боевого духа», ставшего обязательным для всех тех, кого призвали воевать в этой войне. Главными действующими лицами в этой русской кампании стали две армии, состоящие, в основном и главным образом, из специалистов-рабочих и «индустриализированных» крестьян.) Из того, как воюет советский солдат, стало ясно, что и современный «мужик» тоже стал умелым специалистом, типичным продуктом эры машин. Это первый в истории конфликт между двумя армиями, где союзником военного духа выступает промышленный дух или «промышленная мораль», где военная дисциплина зиждется на технической дисциплине, дисциплине организации труда, дисциплине команды специалистов.

С социологической точки зрения этот факт, несомненно, тоже вызывает особый интерес. И я думаю о том, какую ошибку допустили те, кто в начале войны против России надеялся, что с первым же ударом по стране в Москве произойдет революция, то есть коллапсу армии будет предшествовать коллапс общественной системы. Эти люди явно продемонстрировали, что не способны понять дух советского общества. Более, чем огромные коллективные фермы-колхозы, чем гигантские заводы, чем тяжелая промышленность, высшим индустриальным достижением Советской России является ее армия.

Все в ней, от вооружения до боевого духа, является результатом двадцати лет промышленной организации, двадцати лет, посвященных обучению квалифицированных специалистов. Основной сущностью советского общества является армия, и я говорю это не потому, что считаю этот режим милитаристским до основания, а потому, что армия является мерилom, по которому можно судить о степени общественного развития и промышленного прогресса, достигнутого гражданами коммунистического государства. (В то же время совершенно так же и германская армия является мерилom и итогом технического прогресса, достигнутого современной промышленностью Германии.) На этой концепции всегда настаивали сами русские. Верно и то, что неожиданное подтверждение их правоты исходит от спокойного и беспристрастного свидетеля действий и сопротивления советской армии в этом столкновении с германскими войсками, в том, как именно прошедшие процесс индустриализации крестьяне, специалисты-рабочие, огромные массы стахановцев, выдвинувшиеся после советской революции, ведут себя на поле боя.

Я уже упоминал, что среди убитых советских солдат было двое русских. Они были высокими, крепкого сложения, с длинными руками. Их яркие глаза были широко открыты. Это были два специалиста-стахановца. Группа немецких солдат молча разглядывала их. Один из немцев посмотрел вокруг, попытавшись найти несколько цветов. На поле росли только красные цветы, что-то вроде маков. В сомнении солдат остановился перед этими цветами. Потом он набрал полную руку колосьев и накрыл ими мертвые лица двух убитых русских солдат. Другие смотрели на это, молча откусывая от кусков хлеба. (Они внимательно рассматривали этих мертвых русских и татар. Для них эти трупы представляли собой совершенно новый тип потивника. Только что вышедшего из огромной фабрики пятилетки. Смотрите, какие яркие у них глаза. Посмотрите на их невысокие лбы, толстые губы. Может быть, это крестьяне? Или рабочие? Да, это рабочие, специалисты, ударники, из любого из тысяч колхозов, тысяч заводов СССР. Посмотрите внимательно на их лица, их узкие, суровые, упрямые лица. Все они

похожи одно на другое. Массовая продукция. Они являются типом новой породы людей, жесткой породы, это тела рабочих, погибших при аварии на производстве.)

Из громкоговорителя автобуса вновь донеслось: «Ich liebe dich so tief...» Солдаты смеялись. Они сидели на крыльях своих грузовиков, на броне танков, опустив ноги в люки. И они ели. В этой быстротечной войне не было установленного времени для принятия пищи. Все ели, когда была возможность. Каждый солдат имел при себе паек, свой черный хлеб с мармеладом, термос с чаем. Иногда даже во время боя он доставал из ранца кусок хлеба, намазывал на него мармелад и одной рукой подносил ко рту, в то время как другой сжимал рулевое колесо грузовика или рукоять пулемета. Офицеры ели вместе с солдатами, ели то же самое, что и их подчиненные. «Ich liebe dich so tief», – поет голос из громкоговорителя.

Воздух был теплым. Колосья колыхались на ветру. Поля соевых бобов издавали шуршащие звуки, будто это шелк. Заросли подсолнуха медленно поворачивали свои длинные стебли с корзинками навстречу солнцу, как будто медленно раскрывая большие желтые глаза. По небу дрейфовали огромные белые облака. Русские солдаты застыли в вечном сне на борозде пахотной земли, их лица были укрыты колосьями пшеницы.

Из холма напротив нас советские снаряды вырывали фонтаны земли. Время от времени скрывающийся в поле отставший русский открывал огонь из своей винтовки. Пули летели над нашими головами с тихим свистящим звуком. Ревел двигатель. Лица солдат, их руки выглядели розовыми, более уязвимыми, имели более живой цвет по сравнению со сталью бронированных машин.

Глава 7

Красная ферма

Скуратовой, 8 июля

Мы останемся на этой ферме на целый день. Наконец-то несколько часов отдыха! Мы находимся примерно в десяти километрах к северо-востоку от села Братушаны, между селами Нова- и Стара-Кетрушика. Место, где расположена ферма, называется Скуратовой. Возможно, это название происходит от названия самой фермы. На расстоянии Скуратовой походит на лес или, я бы сказал, на парк у виллы в венецианском стиле. Однако этот парк окружает не стена, как в области Венеция, а забор. Домики, конюшни и другие сельскохозяйственные строения настолько низкие и приземистые, что их не видно на расстоянии. Они скрыты за огромной массой зеленых листьев и ветвей деревьев. Но по мере нашего приближения (было примерно 15:30, когда наша колонна, миновав Нову-Кетрушику слева, достигла окрестностей Скуратового), среди деревьев постепенно начинали появляться крыши и белые стены домиков, конюшни и амбары. На километры вокруг тянулась сельская местность, зеленая, обширная. Казалось, что морю колосьев нет границ. Это самая прекрасная картина, необычайно женственная и гармоничная, олицетворение плодородия и материнства, я имею в виду, материнства, которое вот-вот должно наступить; об этом говорили колосья, сулившие скорый урожай.

Мы въехали во двор фермы. Вокруг не видно ни души. Казалось, это место было покинуто. При нашем приближении пускались наутек утки самых пестрых расцветок, куры и кошки. На охапке соломы у стены конюшни лежала сука, выкармливавшая трех щенков. Она лежала не шевелясь и смотрела на нас. Когда солнце поднялось выше, его лучи постепенно опустились на стену, будто теплое масляное пятно. Но воздух был прохладен: ветер, который ослабел ночью, теперь снова постепенно набирал силу, обдавая нас долгими ледяными порывами. Когда мы шли через двор, у дверей конюшни появился старик. Из-за сарая вышла группа из примерно десятка женщин и детей.

За ними шел мужчина лет пятидесяти, который вел под уздцы лошадь, запряженную в небольшую повозку. Все они были явно уставшими, будто только что вернулись после целого дня тяжелого ручного труда. У всех были потяжелевшие взгляды, измазанные грязью лица, одежда и волосы были усеяны клочками соломы и травой. Я подумал, что они, должно быть, убежали в поля и прятались там среди колосьев два или три дня, испуганные или даже подавленные ходом боя, который переместился из Шофронкан на северо-восток к селу Братушаны, а теперь неуклонно приближался к Скуратовому. И вот они вернулись и обнаружили, что ферма цела, а дома, конюшни и амбары не пострадали.

И еще меня удивило и почти обидело их равнодушие. Они не только не казались удивленными, не только не испытали облегчения, увидев нас. Они даже не пожелали нам доброго дня. Пожилой мужчина снял свою шерстяную шапку, другие уставились на нас пристальным взглядом. Потом все в полном составе тронулись с места. Дети побежали через двор, девушки исчезли за домиком, а мужчина, отвязав лошадь, повел ее в сторону конюшни. Когда все разошлись, ко мне подошел старый крестьянин. Поклонившись, он сначала по-русски пожелал мне доброго дня, а потом добавил по-румынски: «Sanotate! (Здравствуйте!)»

Вот так, подумал я про себя, выглядит советская ферма. Несколько часов назад большевики оставили этот район, и уже несколько часов он не подчиняется советским законам. Эти поселки, эта ферма больше не являются частью экономической, политической и общественной системы СССР. Но здесь структура и организация коммунистического режима все еще сохранились в целости; пока еще не было времени сгладить отпечаток Советов, стереть черты советской системы. Про себя я подумал, что эта ферма возникла передо мной, как сыны Атрея появились на мгновение перед Генрихом Шлиманом, когда он переступил через порог микен-

ских могил, с тем чтобы тут же со стенаниями вновь исчезнуть во мраке. Я хотел тщательно изучить ее, так тщательно, как только возможно. Ведь эта ферма была ячейкой общественного и экономического организма СССР. Это был прекрасный наглядный образец коммунистического общества, советского сельского хозяйства в миниатюре. Мне досталась неожиданная честь стать свидетелем перехода этой ячейки из одного строя, общественного, политического и экономического строя СССР, к другому. Мне повезло прибыть сюда именно в тот момент, когда эта метаморфоза должна была достичь своей самой важной фазы. Момент, который я переживал сейчас, был уникален. Он обещал мне уникальный исторический опыт. Из этой «ячейки» я мог почерпнуть огромное множество деталей о жизни в коммунистическом обществе. Но тщательно изучив эти детали (которые я буду описывать объективно, без полемической пристрастности, так как отношение полемиста в данном случае было бы в высшей степени неуместным), я как бы со стороны смогу разглядеть картину в целом, так чтобы каждый мог оценить значение данной метаморфозы.

Пока колонна разворачивалась в построение для лагеря (даже это построение является одним из видов боевого порядка), а солдаты укрывали свои стальные машины охапками пшеницы и ржи, пучками подсолнечника и соевых бобов, разворачивали небольшое противотанковое орудие и зенитные пулеметы в полях (наши машины построились на широком пространстве, прилегающем к ферме позади, скрытые от посторонних взглядов посадками деревьев), я отправился побродить по ферме, чтобы понаблюдать за тем, как работает все то, что меня окружает.

Слева, как только я зашел на передний двор, я увидел здание коровника. Я заглянул внутрь. Перед корытом с сеном стояла корова. Она смотрела на меня, меланхолично пережевывая жвачку. Коровник был в беспорядке: на полу рассыпано сено, валяются вилы, перевернутые ведра. Я вышел наружу и оказался лицом к лицу со стариком, с которым столкнулся здесь с самого начала. На краю двора мужчина и девушка запрягали в маленькую телегу пару худых косматых лошадок. Мужчине примерно сорок лет, его движения медлительны. Лицо девушки серьезно, на нем были видны воля и ум; она двигалась порывисто, можно сказать, почти сердито. Она даже не повернулась, чтобы посмотреть на меня. В дверях дома появилась женщина. Ее волосы растрепались, лицо в грязи, глаза покраснели и опухли. Несколько секунд она внимательно смотрела на меня, затем развернулась и закрыла за собой дверь.

Я спросил у старика, где хранится сено.

– Здесь, – ответил он. – Только больше его не осталось.

– У вас не осталось сена? Совсем?

– Нет, господин.

На самом деле он не говорил «Нет, господин». Он сказал «Нет, товарищ». Но тут же добавил на румынском: «No, domnule». Потом он пробормотал несколько слов по-немецки, но я не сумел их понять.

– Сено забрали русские солдаты, – пояснил старик.

– Здесь была кавалерия большевиков?

– Не здесь. Они находились в Нове-Кетрушике. Им надо было кормить много лошадей. Они побывали на каждой окрестной ферме на километры вокруг и забрали все сено, которое сумели найти, в том числе и наше.

– Они заплатили вам за него?

– Конечно.

– Они дали вам долговую расписку или платили деньгами?

– Мне дали расписку.

– Как вы получите за нее деньги?

– Мне нужно будет проехать с ней в сельскохозяйственный центр в Шофронканы.

– Сейчас в Шофронканах немцы. Коммунисты оттуда ушли. Вы не знали об этом?

- Знал. Но ведь центр не закрылся?
- Старый центр был закрыт. Но скоро мы откроем свой вместо него.
- Тот же центр?
- Нет, не тот же. Другой.

Старик посмотрел на меня и проговорил по-русски: «Да, да, понимаю». И потом добавил ту же фразу по-румынски. Было видно, что он думает, что он изо всех сил пытается понять. Но вряд ли он думал о той долговой расписке, за которую не сможет получить денег. У меня создалось впечатление, что он думает о чем-то другом, о чем-то менее определенном, но для него более важном, более срочном. Около конюшни располагался большой амбар, что-то вроде зернохранилища. Почти весь амбар был занят запасами небольшого круглого по форме зерна темно-серого цвета.

Я спросил старика, как называются эти семена и для чего они используются. «Это масличные семена», – ответил тот. Наверное, это была соя. У одной из стен была сложена высокая стопка пустых мешков. А у стены напротив выстроились мешки, уже наполненные семенами. «Мы грузили зерно в мешки, – пояснил старик, – но нам пришлось прервать работу. Пришлось бежать, чтобы спасти жизнь».

Мы прошли через маленькую дверь в другой амбар, который был еще больше, чем предыдущий, забит, на этот раз сваленными в груду семенами подсолнечника.

– Должны ли вы были каждый год сдавать все эти семена государству? – спросил я у старика.

- Государству? Нет. Мы должны были везти их в центр.
- Это то же самое.
- Нет, не государству, мы отвозили семена в центр, – повторил старик.
- Вам платили за них?
- Конечно.

Старик добавил, что в этом году выдался прекрасный урожай масличных семян. Урожай пшеницы тоже обещает быть обильным.

– Но теперь все пошло наперекосяк, – заявил он. – Теперь, когда началась война, – он сказал сначала по-русски «война», а потом добавил на румынском «*gasboiu*», – мы просто не знаем, что теперь будет. Для нас будет просто катастрофа, если мы не сможем продать урожай. Коммунисты обычно покупали у нас все, – заявил он в завершение.

- Вот увидите, вы и дальше сможете продавать свои продукты, – заверил я старика.
- Вы так думаете? Но кому?
- Вам придется возить семена и пшеницу в центр, и его сотрудники заплатят вам за это.
- В советский центр?
- Нет, в немецкий центр.
- Значит, у вас тоже есть центр закупок сельскохозяйственной продукции?
- Конечно.

Старик пристально посмотрел на меня. Он снова и снова вертел в руках свою шапку. Я видел, что ему хотелось спросить меня о чем-то, но он никак не может набраться смелости.

- Сколько у вас лошадей? – спросил я.

Он ответил, что до недавнего времени на ферме было целых пятнадцать лошадей.

– Большевики забрали самых лучших, – заявил он, – теперь осталось девять.

Мы со стариком прошли через двор и вошли в большую конюшню, где я увидел семь лошадей, которые ели сено из кормушек. В углу конюшни лежала охапка свежего корма – травы, зеленого овса и клевера. Лошади были худыми, низкорослыми, костлявыми, со впалыми боками. Я удивился, что при таком обилии корма все собранные здесь лошади оказались такими изможденными.

- Этот скот нехорош, – заявил старик.

Мы снова прошли через двор и зашли под навес, где хранилась сельскохозяйственная техника. Здесь было две молотилки, четыре или пять сенокосилок и трактор. Вдоль стены были расставлены многочисленные емкости с бензином, машинным маслом и керосином. Как мне показалось, молотилки находились в особенно плачевном состоянии.

– Эх, – пожаловался мне старик, – отремонтировать их или хотя бы добыть запчасти для двигателя было чертовски трудно. Нам приходилось ждать, пока не подвернется механик из какого-нибудь колхоза. В колхозе в Шофронканах нам никогда не позволяли завести собственного механика. Приходилось посылать либо в Кишинев, либо иногда в Балту. Когда я приезжал в Шофронканы, мне обычно говорили: «Завтра. Приезжай завтра». Вот оттого машины и превратились в хлам.

Он покачал головой и поскреб седую щетину у себя на подбородке.

– Это ваши машины? – спросил я у него.

– Молотилка принадлежит колхозу. Мы берем ее в аренду. Во время сбора урожая мы должны предоставлять ее и другим фермам. Остальные машины принадлежат ферме.

Мы осмотрели еще одну конюшню, еще амбары с масличными семенами, два огромных зернохранилища. Ферма оказалась довольно большой и, как мне показалось, была хорошо оснащена. Но я насчитал здесь всего три коровы. Это показалось мне слишком малым для такого процветающего хозяйства.

Среди строений фермы была и так называемая «усадьба», где в прошлом проживал владелец хозяйства. Она представляла собой низкое строение, с глинобитными стенами, покрытыми изнутри и снаружи толстым слоем извести. Перед фасадом располагалась веранда с балюстрадой небольших деревянных колонн. Дом окружал небольшой садик, сейчас сильно замусоренный каким-то дурно пахнущим хламом и гниющей соломой. Посреди этого мусора прокладывали себе дорогу несколько кур.

Старик рассказал мне, что в прежние времена помещиком здесь был румынский еврей. Я остановился у входа и разразился хохотом. Слово «помещик», произнесенное в данный момент и при данных обстоятельствах, показалось мне абсурдным и смешным: нелепое и неуместное, абсолютно устаревшее слово, слово, будто воскресшее из мертвого языка, вызвало у меня взрыв веселья. Думаю, что для нас обоих (пусть и по разным причинам, несомненно, совершенно разным причинам) это слово звучало по-настоящему странно. Я почти почувствовал, что для нас двоих оно потеряло всякий смысл. Но старика, похоже, совсем не волновала возможность возвращения прежнего хозяина. (Мне показалось, что он произнес слово «еврей» каким-то язвительным тоном.) «Сотрудниками сельскохозяйственного центра тоже были евреи», – продолжал он. Он мял шапку в руках и смотрел на меня. Я прекрасно понимал, о чем он думал, но сделал вид, что не понимаю. Его очень интересовало, будет ли имущество, переданное колхозам, возвращено прежним владельцам. Эта ферма была одним из нескольких хозяйств, земли которого входили в состав колхоза в Шофронканах. Я не знал ответа на этот вопрос. Все зависело от того, как закончится война.

Я сидел на стуле в помещении, которое, как я полагал, служило кабинетом для «помещика». В комнате был еще и диван. Стоял также большой книжный шкаф, полки которого были заполнены ровными рядами примерно сотни различных томов. Я не удивился, что многие книги были изданы во Франции. Было довольно много книг Поль де Кока¹³, несколько книг Макса Нордау¹⁴. Какое-то время в прошлом здесь, в усадьбе, жили два советских руководителя, как я понял, инспекторы из сельскохозяйственного центра.

¹³ Поль де Кок Шарль (1794–1871) – автор водевилей и романов в духе фривольной беллетристики. Его имя стало нарицательным для характеристики пошло-развлекательной литературы.

¹⁴ Нордау Макс, настоящее имя Симха Меер (Симон Максимилиан) Зюдфельд (1849–1923) – врач, писатель и соучредитель Всемирной сионистской организации.

– Вы устали? – спросил меня старик. Он предложил мне прилечь на диван. Я поблагодарил, но предпочел не рисковать.

– Знаете, – сказал я ему, – если бы вы решили собрать всех насекомых в округе, то это было бы для них самым подходящим местом.

Старик засмеялся и поскреб подбородок.

– У вас не найдется немного хлеба с сыром? – спросил я.

– Думаю, найдется, – ответил старик.

Мы вышли из усадьбы. В конце двора девушка в красном платке наблюдала за работой трех пожилых крестьян, которые наполняли мешки масличными семенами. Это была та же девушка, за которой я наблюдал раньше, когда она помогала мужчине запрягать лошадей в телегу. Она часто повышала голос. Трое крестьян продолжали работать, не обращая на нее внимания. Старик направился к девушке.

– Хлеб есть, а сыра нет, – отрывисто бросила девушка.

Старик выглядел униженным.

– Может быть, есть немного молока?

– Молока? Корова находится там, в конюшне.

В этот момент я положил на ее руку свою и сказал ей:

– Госпожа большевичка, я не знаю, как доить корову.

Девушка засмеялась.

– Простите меня, господин, – проговорила она, – но, знаете...

– Я заплачу вам за молоко.

– Я не это хотела сказать... Не нужно платить мне за это.

Она направилась к конюшне, зашла внутрь, взяла ведро, висевшее на стене, быстрым взглядом проверила, чистое ли оно, снова вышла, чтобы вымыть ведро у колодца, вернулась в конюшню и села на колени. Через минуту девушка встала и протянула мне ведро, на дне которого был слой молока в несколько сантиметров. Старик принес мне приличный кусок белого хлеба. Немного высохшего, но вкусного.

Я макал хлеб в молоко на дне ведра. Девушка наблюдала, как я ем. Затем она вышла, не удостоив меня даже кивка головы. Про себя я подумал: «Они плохо ее воспитали».

Потом я улыбнулся. Должно быть, девушка была хорошим человеком. Одной из тех, кто работает, кто заставляет колеса вращаться. На самом деле она мне скорее понравилась. Я мог бы прекрасно и сам подоить корову.

– Эта девушка забавное существо, – заметил я вслух.

– Мы заплатили за нее триста рублей, – признался старик.

– Где вы ее купили?

– Мы забрали ее в колхозе.

– Вы сказали триста рублей? Всего триста рублей? (Триста рублей – это примерно тысяча лир.)

– Это много, я знаю, но она действительно привлекательное существо.

В дверях конюшни появился немецкий солдат. Он спросил у старика, может ли тот продать ему гуся. Старик ответил: «Думаю, да». И оба вышли из конюшни. Я видел, как они прошли через двор и скрылись за домиком на его краю.

Потом я отправился в амбар, где хранились семена, и растянулся на кипе мешков. Через пару часов я проснулся и увидел, что передо мной стоят старик и девушка. Он снял шапку и протянул мне лист бумаги.

– Сколько вы взяли с солдата за гуся? – спросил я.

– Пятьдесят лей, – ответил старик. – Я знаю, что пятьдесят лей – это много, но сейчас все так дорого.

Пятьдесят лей? Это пять лир. Я посмотрел на листок бумаги. Это расписка о реквизиции двух лошадей. Она написана на немецком, и на ней подпись немецкого офицера.

– Они только что реквизировали их. Как вы думаете, нам заплатят за них? – спросила меня девушка.

– Конечно, – ответил я, – с этой распиской все в порядке. Она выписана от имени немецкого военного командования.

– Как вы думаете, нам дадут за них хорошую цену?

– В любом случае больше, чем вам заплатили за гуся, – ответил я со смехом.

Девушка посмотрела на меня с ноткой замешательства. Она слегка покраснела.

– Видите ли, – продолжала она, – может быть, дедушка запросил за того гуся слишком много. Но понимаю, что пятьдесят лей – это слишком много. Но вы должны нас извинить. Что, по-вашему, мы можем знать о ценах? Большевики обычно говорили нам: «Это стоит очень дорого, и это стоит слишком дорого». Вы должны начать с того, что рассказать нам, сколько стоит лея, по сравнению с рублем.

Она говорила это с важным видом, нахмутив брови.

«Умная девушка, – подумал я про себя, – хорошая девушка».

– Я бы посоветовал вам, – сказал я ей, улыбаясь, – быстро отправиться в штаб и попросить полковника назначить цену на гусей, иначе все подразделение будет здесь через пять минут, чтобы покупать ваших гусей по пятьдесят лей.

Девушка рассмеялась, хлопнув себя по бедру. Потом ее глаза потемнели, а щеки постепенно налились румянцем. У меня сложилось впечатление, что у нее появилась в голове мысль, что-то, о чем она боится сказать. Наконец, набравшись смелости, девушка спросила:

– Как вы думаете, прежний землевладелец вернется?

– Прежний – нет, потому что он был евреем. Его место займет кто-нибудь другой.

– А не могут нам разрешить оставить землю за собой?

Я не знал, что ей ответить. Мне очень хотелось бы сказать ей «да». Вообще-то говоря, сельскохозяйственные реформы, которые в Румынии провел Братиану (самые смелые преобразования в сельском хозяйстве, проведенные в интересах мелких фермеров), можно сказать, достигли своей цели. Я сказал себе, что в случае с Бессарабией, которая была возвращена СССР всего год назад, сложности возврата к буржуазной системе хозяйствования не должны быть такими значительными, как, например, в Советской России. Ведь на Украине и по России в целом проблема, несомненно, будет гораздо более сложной, и ее решение потребует особой осторожности.

– Все будет хорошо, вот увидите, – сказал я девушке. – Конечно, сначала может возникнуть какая-то неопределенность. Невозможно изменить все за одну ночь.

В это время за дверью во дворе собралась небольшая толпа. Она состояла из мужчин старшего возраста (вся молодежь была призвана в армию), женщин, девушек, детей и нескольких юношей, наверное, слишком молодых, чтобы служить в армии, либо негодных к службе по какой-то причине. Все они пристально смотрели на меня. Пожилые мужчины стояли понуриив головы; молодежь выглядела более уверенной в себе, ни единым жестом или общим поведением не выказывая беспокойства.

– Что им нужно? – спросил я девушку.

– Они ждут, чтобы кто-то объяснил им, что делать.

– Пусть они продолжают делать то, что делали прежде, то, что делали до сегодняшнего дня, – ответил я несколько растерянным тоном. – Мне кажется, что в данный момент так будет лучше в любом случае.

Девушка снова нахмурила брови и молча, ничего не ответив, посмотрела на меня.

«Это умная девушка, – снова подумал я про себя, – хорошая девушка».

До сегодняшнего дня дела на ферме, по сути, вела она. Именно ей приходилось вести дискуссии с инспекторами из сельскохозяйственного центра, с офицерами, занимавшимися реквизициями, с руководством колхоза. «Какая замечательная девушка», – думал я. Это она отдавала распоряжения, говорила крестьянам, что они должны делать, защищала интересы фермы. Теперь ей не на что больше рассчитывать, она больше не будет здесь распоряжаться.

– Ведите себя точно так же, как и прежде, – посоветовал я ей, – пока они не отдадут вам новых распоряжений, не скажут, каким будет новый порядок.

Девушка улыбнулась.

– Мы защищали наши поля, – слегка вспыхнув, заметила она. – Мы не делали ничего плохого.

Все обстояло так, как будто ферма в Скуратовом, селения Старо-Кетрушика и Нова-Кетрушика, Братушаны и Шофронканы и Зайканы, все эти крестьяне, их жилища и поля, необозримые просторы пшеницы переживали болезненный переход от одной к другой диаметрально противоположной общественной, политической и экономической системе, будто сейчас они как раз и переживали беспокойный и опасный момент метаморфозы, можно сказать, критический момент.

– Конечно, вы не делали ничего плохого, – ответил я.

Через несколько часов я вышел из амбара и прошел через двор фермы. Я заснул в амбаре, а когда проснулся, мой рот был полон пыли, и я чувствовал мучительную жажду. Над фермой царила странная тишина. Старик сидел у входа в конюшню. Я попросил у него стакан воды. Он посмотрел на меня безжизненным взглядом и не ответил. Я отправился к колодцу. Вдруг на земле у конюшни, возле стены, я увидел красный платок и две босых ноги. Это была та девушка. Ее лицо было окровавлено. Я накрыл лицо девушки своим носовым платком.

– Нет, вы не сделали ничего плохого, – сказал я себе.

Глава 8

Стальные кони

Корноленса, 14 июля

Когда мы выезжали с фермы в Скуратовом, еще не рассвело. Двигатели кашляли и захлебывались. Эти звуки напомнили мне знаменитый клич греческих гоплитов Ксенофонта: «Хайре! Хайре!» Небо на востоке было цвета бледного серебра. Пшеничное поле издавало бормочущий звук, будто вода мягко текла вдоль берегов. Постепенно холмы стали менее крутыми. Теперь они имели форму женской груди. Каждая из этих обширных выпуклостей была отделена от следующей небольшой складкой на земле, которую нельзя было назвать долиной в полном смысле этого слова. Это была просто тенистая лощина, мирная и убаюкивающая. На склонах были разбросаны группы пехотинцев. Они занимались операцией по прочесыванию местности. Они медленно двигались вперед вдоль дорожной колеи, их фигурки отчетливо выделялись на бледнеющем небе.

Впереди нас разгорался бой. Русские контратаковали. Контрнаступление русских развивалось не только на нашем участке фронта. Оно, скорее всего, началось в районе города Бельцы, к юго-востоку отсюда, в румынском секторе. Справа от нас проносятся разъезды румынской легкой кавалерии. Они осуществляют связь нашей колонны со смешанной румыно-германской колонной, наступающей под углом к направлению нашего движения.

Помимо непрекращающегося рева полевой артиллерии, можно услышать резкие выстрелы противотанковых пушек и более глухой звук танковых орудий. Наша колонна медленно идет вперед по холодной мерцающей траве. Небо на востоке похоже на сморщенный пергамент. С полей взмывали вверх стаи жаворонков. Каждая машина имеет собственную светло-голубую ауру, образованную дымом из выхлопной трубы. Вдруг, когда мы плавно спускались вниз, нас окутало облако красной пыли, и воздух наполнился шуршанием колес, лязганьем танковых гусениц и ревом двигателей.

Колонна бронетехники похожа на бронепоезд. Я забрался в грузовик к обер-лейтенанту Шульцу и занял место рядом с ним, устроившись как можно удобнее на ящике с боеприпасами. Я спросил у него, не читал ли он «Бронепоезд № 14–69», знаменитую книгу писателя Всеволода Иванова.

– Да, – согласился он, – колонна бронетехники действительно напоминает бронепоезд.

Горе тому, кто выпрыгнет из поезда или покинет колонну. Холмы вокруг нас таят в себе скрытые опасности. Наш бронепоезд катится вперед по невидимым рельсам. Пули отставших от своих красноармейцев, залегших в засаде в полях (чуть было не написал вдоль железнодорожной насыпи), расплющивались о стальные борта наших машин.

– Вы помните нападение на бронепоезд № 14–69? – спросил я.

Но остановить ход нашей колонны невозможно, как невозможно взорвать невидимые рельсы, по которым бежит наш эшелон.

Мы обсуждали коммунистическую литературу.

Обер-лейтенант Шульц был доцентом университета. До начала войны он занимался социальными проблемами, успел опубликовать несколько статей о Советской России. Сейчас он командовал зенитным взводом нашей моторизованной колонны. Шульц заявил мне, что, по всей вероятности, Россия после своего поражения будет вновь переживать период, очень похожий на тот, что описан в романе Бориса Пильняка¹⁵ «Голый год».

¹⁵ Пильняк Борис (1894–1938), настоящая фамилия Вогау, писатель, репрессирован и расстрелян.

– С той разницей, – продолжал он, – что драма, описанная Пильняком, разворачивалась так, будто все происходило в экспериментальной лаборатории. Россия заново будет переживать ту же драму, но на этот раз действие будет происходить на территории сталелитейного завода в отвратительной обстановке восстания рабочих, которое было подавлено в зародыше.

Затем обер-лейтенант посмотрел на меня, сдержанно улыбнулся и добавил:

– С точки зрения социологии машины являются очень интересными и очень опасными персонажами.

Он признался, что находит эту проблему необычайно захватывающей.

Солдаты, стоявшие позади грузовиков, кричали, жестикулировали, перебрасывались отличными предметами, расческами, щетками, пачками сигарет, кусками мыла, полотенцами. Приказ продолжить движение пришел неожиданно, и многие просто не успели умыться и побриться. Сейчас они, как могли, приводили себя в порядок. Некоторые, широко расставив ноги, стояли в кузовах грузовиков, где были установлены зенитные пулеметы, и, раздевшись до пояса, умывались водой из парусиновых ведер. Некоторые, стоя на коленях перед зеркалом, установленным в ружейную пирамиду или сошки пулемета, пытались хоть как-то побриться. Прочие отмывали свои сапоги.

Через линию горизонта пробивалось солнце, оно все выше поднималось в небе, ярко отсвечивало среди зелени, робко освещало броню боевых машин. На поверхности серых бронелистов появлялись розоватые отблески. Тяжелые танки в голове колонны оказывались в розовой ауре, дававшей слабые живописные блики. Вдруг где-то далеко впереди, у горизонта, среди широких колышущихся пшеничных полей, мерно плывущих, будто золотистая река, там, на одном из отдаленных холмов, сверкнула сталь, заблестела броня.

По колонне пронесся крик: «Монголы! Монголы!» К этому времени немецкие солдаты научились отличать азиатские части от прочих советских военных формирований по тому, как они сражаются, и даже по способу тактического построения¹⁶. Как правило, танки, укомплектованные экипажами из азиатов, сражаются не в строю, а поодиночке либо максимум по две-три машины. (Эта тактика в некоторой степени напоминает кавалерийские патрули.) Немецкие солдаты называли этих бойцов «Panzerpferde», что переводится приблизительно как «лошадь в броне». В этих татарских «конниках», которых советская индустриализация и военное стахановское движение превратило в квалифицированных рабочих, механиков, водителей танков, воскрес дух воинов из давних времен.

Военнопленные, татары, общим числом около пятнадцати человек, были собраны во дворе фермы. Они были чуть выше среднего роста, худощавые, но крепкие, с тонкими конечностями, но хорошего сложения. На первый взгляд лица всех них казались очень молодыми, но это было ложное впечатление. Эти люди были разного возраста, как я бы определил, от двадцати пяти до тридцати лет. На них очень простая форма цвета хаки без знаков различия, без указания даже номера части на воротнике их гимнастерок. Пилотки, которые отчасти скрывали блестящие черные волосы, были того же цвета хаки. Солдаты были обуты в очень мягкие серые кожаные сапоги татарского покроя, в которых одинаково удобно чувствуешь себя и верхом, и в кабине танка. У этих людей были узкие раскосые глаза и маленькие рты. В районе глаз и дальше прямо к вискам проходила живая сеть тонких морщин, которая пульсировала, подобно жилкам в крыльях стрекозы.

Пленники сидели на земле, опершись спинами о стену конюшни там, где ее освещали лучи заходящего солнца. Они ели семена подсолнечника. Азиаты производили впечатление людей, впавших в состояние апатии, но в то же время находившихся все время настороже. Под

¹⁶ Высосано из пальца. Экипажи танков формировались в основном из технически подготовленных призывников из промышленных рабочих и сельских механизаторов. В подавляющем большинстве это были русские, украинцы, белорусы и, гораздо меньше, другие.

маской холодного пустого равнодушия то и дело мелькала озабоченность. Дорожка света на стене становилась все меньше, пока не превратилась всего лишь в яркое пятно на лице одного из пленных.

Его лицо, будто желтая маска, ярко освещаемая последними отблесками заката, было неподвижным, застывшим. Узкий рот, редкие брови, ярко блестящие глаза – все это, казалось, было вырублено из мрамора. И только две тонкие линии морщинок не прекращали движения. Лицо пленного напомнило мне, не знаю даже почему, умирающую птицу. Когда солнце, наконец, исчезло, птица сложила крылья и замерла в неподвижности.

Их взяли в плен, когда они пытались пробиться к штабу своей части на двух бронемашинах. Сопровождавший их танк был разбит бомбой на поле в нескольких километрах от Скуратового. Они отчаянно оборонялись, пытались отбиться от тяжелого (среднего. – *Ред.*) танка, отрезавшего им путь к отступлению. Но их сопротивление оказалось напрасным: огонь пулеметов против танка был бесполезен. Некоторых из них убили, а выжившие теперь сидели во дворе фермы, опершись спинами о стену конюшни. Они меланхолично жевали семечки подсолнуха, прищурив свои маленькие раскосые глаза.

Пленные, казалось, очнулись от летаргии только тогда, когда во дворе вдруг появился один из миниатюрных тракторов на гусеницах, который буксировал за собой что-то похожее на мотоцикл, тоже на гусеницах. Это транспортное средство было новинкой в немецкой армии, оно появилось только после начала русской кампании. Это не был мотоцикл в полном смысле этого слова с присоединенным к нему трактором. Скорее это был трактор, управляемый чем-то вроде мощного мотоцикла, что выступал в роли транспортного средства. Водитель, расставив ноги, сидит верхом на мотоцикле; при этом его спина опирается о кузов. Внешне это транспортное средство похоже на нечто, сделанное кустарным способом, очень легкое и не очень мощное. Но немцы высоко отзываются о его исключительных качествах что-то буксировать и подниматься в горы. Эта машина поднимется куда угодно. Тот, кто изобрел ее, предполагал, что она будет применяться в боевых действиях в горной местности. Впервые примененная на русских равнинах, машина удивила специалистов своими отличными качествами как с технической, так и с практической точки зрения. Она применяется главным образом для подвоза боеприпасов и топлива. В ходе текущих боев эти странные машины следовали непосредственно за боевыми порядками танков, молниеносно перемещаясь от одного танка к другому. Иногда их использовали для буксировки легких противотанковых орудий. Они очень юркие и, когда движутся в поле, почти незаметны.

Они естественным образом вписались в этот чрезвычайно мобильный тип боевых действий, в технику наступления с молниеносными танковыми ударами, сменившую наступление конницы прошлых войн. Я бы сказал, что они теперь используют танки так же, как раньше использовали лошадей. Они применяют ту же тактику, основанную на самостоятельности и свободе действий.

Немецкие солдаты заметили, как три небольших танка стремительно взбираются на склон холма едва ли не в паре километров от нас. От нашей колонны отделяются два тяжелых танка. Мы видим, как они по диагонали идут через поле, один налево, другой – направо, постепенно увеличивая дистанцию между собой, будто намерены остановить движение противника, взяв его в клещи. Три маленьких танка противника резко рассеиваются. Они начали выполнять серию странных маневров. Каждый выписывал по равнине широкую спираль, и эти манипуляции время от времени заставляли нас терять русские машины из виду. Создается впечатление, что они пытались выиграть время, втянуть немецкие танки в своего рода спортивное состязание, чтобы дать время главным силам их части подойти на помощь или, наоборот, отступить. Неожиданно орудия немецких танков открыли огонь.

Разрывы снарядов поднимали вокруг советских танков фонтаны земли. Бой длился всего десять минут. Три русских танка были гораздо более мобильны, чем немецкие машины. Они

благополучно избежали попаданий и исчезли за холмом. «Это – техника заманивания, – заметил обер-лейтенант Шульц. – В этой войне мобильных колонн монгольские «бронелошадки» делают впечатляющую и чрезвычайно опасную работу. Нужно быть очень внимательным, чтобы не попасться на приманку, не дать заманить себя на минное поле или туда, где в лесу или за холмом может скрываться крупное подразделение танков.

Через несколько часов мы добрались до селения Корноленса. Оно цело, но покинуто жителями. В нескольких сотнях метров от него мы наткнулись на несколько горящих домов. Нашей колонне приказали занять позиции за холмом, примерно в километре за пределами поселка. День мы провели в нервном ожидании дальнейшего развития событий. Одно из наших орудий, развернутое среди домов, делало выстрел примерно каждые три минуты. Непрерывную стрельбу вели многочисленные батареи, замаскированные в лесах справа от нас.

Ближе к вечеру мы увидели, как в нашем направлении движется колонна примерно из десяти немецких машин в сопровождении танка. Из одного из грузовиков выпрыгнули шестеро пленных русских.

После допроса, велел запереть пленников в комнате одного из домов поселка, обер-лейтенант Шульц подошел ко мне и сказал: «Я подозреваю, что один из этих пленных – политический комиссар. Вы обратили внимание на его форму?»

Было уже темно, когда я расслышал странное хождение туда-сюда в доме, где содержались пленные. Когда я пошел к дому, наткнулся на Шульца. Он рассказал мне, что «политический комиссар» найден мертвым: кто-то задушил его. И показал мне написанную карандашом записку на русском языке. В ней было написано: «Это я приказал моим подчиненным убить меня». Далее следовала легко читаемая подпись: «Политический комиссар 15-й танковой дивизии Василий Волынский».

Глава 9

Вот и Днестр!

Сороки (на Днестре), 4 августа

Вот и Днестр. Эта полноводная река течет по глубокой, узкой долине. Крутые глинистые берега испещрены белыми холмами и красными оврагами. На украинском берегу среди зелени кукурузы и золотая пшеница, через леса акаций, поля подсолнечника и сои тянется лабиринтом железа и бетона линия Сталина.

Линия Сталина представляет собой сложную систему бетонных укреплений, извилистых траншей и стальных куполообразных бункеров. Отсюда, с вершины холма, господствующего над городком Сороки, все это напоминает строчки белых букв алфавита, записанных на вязкой черной почве берега реки. Вон та буква «Т», ясно видимая посреди соевого поля, является позицией противотанкового орудия. Вот буквы А, С, Д, З, И, представляющие собой миниатюрные крепости, бункеры, ходы сообщения, пулеметные гнезда. Линия Сталина, если можно так выразиться, является шифром, обычным текстом, набранным условными знаками, который немецкие артиллеристы сейчас терпеливо расшифровывают с помощью своих расчетных таблиц, готовя решающий штурм. На поле боя уже прибывают средства прорыва обороны противника. Наполненный пылью воздух вибрирует от резкого лязга танковых гусениц. В этот прекрасный летний день мягкую плоть этой сельской местности как будто защищают огромные зубы. В августовское небо, как будто молотом, стучат артиллерийские орудия. Гигантские замки с их башнями из белого дыма встают на горизонте на краю зеленой украинской степи.

Вот и Днестр! Два дня назад мы оставили моторизованную колонну, которой были приданы, и отправились южнее, где присоединились к колонне наступающих войск. Теперь боевые действия отличаются от тех, свидетелем которых я был в последние недели. Это больше не война машин, столкновение больших масс тяжелых танков. Теперь это старомодная война пехотных батальонов и артиллерийских батарей на конной тяге. Запах конского навоза мне нравится больше после постоянно сопровождавшего меня зловония машинного масла и бензина. А голоса солдат в моих ушах звучат так, будто на войне наконец-то снова откуда-то возникли люди.

Окольный путь от участка фронта под городом Могилев-Подольский в городок Сороки, где мы сейчас находимся, был довольно долгим и трудным. Нам приходилось проезжать по дорогам, переполненным груженными фурами, колоннами артиллерии, пехоты, огромными вереницами автомобилей, сквозь плотные слепящие облака красной пыли. Время от времени на обочине дороги нам попадались опрокинутые машины, обуглившиеся остовы грузовиков, лежащие на боку советские танки. По мере приближения к городу Бельцы следы боев стали попадаться все чаще и чаще. Группы военнопленных уже ремонтировали дорогу. Они смотрели, как я проезжаю мимо, с явным интересом, пристально разглядывали мой мундир офицера горных стрелков. Русские застывали на минуту, облокотившись на черенки кирок и лопат, но затем, после оклика немецких конвоиров, немедленно снова приступали к работе.

В нескольких километрах от Флаэшти, возле нескольких развороченных русских танков нам впервые попались на глаза могилы советских солдат. Это были просто холмики земли без крестов, без имени, без каких-либо опознавательных знаков, за исключением шлемов советского образца, фуражек с кожаным козырьком или лохмотьев гимнастерок на свежерытой земле. По другую сторону дороги расположились ряды крестов, венчавших могилы погибших в боях немецких солдат. На могилах лежали цветы, на каждом кресте висел стальной шлем, имелась надпись с именем, воинским званием и возрастом погибшего воина. Крест на могиле летчика (его сбитый «Мессершмитт» с обгоревшими крыльями лежал, перевернувшись, непо-

далеку в поле) обмотан пулеметной лентой. Это было похоже на изображение змеи, символа вечности, который в древности изображали на стенах домов и на могилах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.